

СМЕНА

15

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

СЛАВА СТАЛИНУ!

Над Москвою гудит синева,
Ясным солнцем столица сияет.
«Слава Сталину!» — эти слова
В небе праздника пропальмяют.

Издаляка увидите их —
С каждым новым мгновеньем виднее,
Вырастают из крыльев живых
Те слова, что мы в сердце алеем.

Сокровенную думу свою:
«Слава Сталину!» — по небу ищут
Наши соколы, в строгом строю
Залетая всё выше и выше.

Им высокое право дано
Наши чувства нести к небосводу.
За звоном пролетает звоно —
Дети Сталина, дети народа.

Всех нас вырастила Сталин родной,
Дал нам столько простора и света!
Пусть летит над Москвой, над страной
Слово нашей любви и привета.

Вождь, учитель, отец! Человек,
Чьё великое имя, как знамя,
Ленин — Сталин... Прекрасный наш век
Назван этими именами.

«Слава Сталину!» — в небе парит,
И, моторную слушая песню,
Он сейчас на прибуле стоит
И глядит, как орёл, в поднебесье.

Соколятам он машет рукой,
Всей Отчизне даря вдохновенье,
Окружённый любовью такой,
Для которой не сыщешь сравненья.

Курсы аэроклуба Юра Савинова, Лева
Мавский и Илья Ипатов изучают маршрут
предстоящего полета.
Фото А. Моисеева

Пролетариям всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1952 год.

Год
издания
29-й

Сейчас Люба Щербанова на своём планёре поднимется в небо.

на заданный курс, она до конца полёта мучительно злится: в чём дело, почему так внезапно произошла «отрыжка» от самолёта?

На земле командир планёрного звена Иван Николаевич Сергеев, проводивший занятия, задаёт ей только один вопрос: — Шли с превышением?

— Нет.

— Вот поэтому и рванула. Планёр попал в струю воздуха, идущую от самолёта. Нужно было идти за высотой с превышением. Испо?

— Испо, товарищ командир...

...Да, крылья вырастают не сразу. Порою это было все так-то просто, но зато сколько радости приносит каждый уверенный жест, каждое продуманное движение в воздухе...

Разве в этом есть что-нибудь необычайное, что она, простая девушка, работница

артеля, поднимается в небо? Может быть, она на особом положении и не всякому дано это право? Эти мысли заставляют Тоню внимательно приглядываться к друзьям и подругам, ко всем, кто сегодня идёт на старт.

Вот Люба Щербанова, филомоповерщица конторы Главлизпроката. Её раскрасневшее лицо, светлые волосы, выбивающиеся из-под шлема, так хорошо знакомы Тоню: вместе они сидят с Любой за одной партией на теоретических занятиях, вместе на полугрузных машинах добравает после работы к месту полётов, получают одинаковые оценки...

Да и другие планеристы — формовщик меховцевского завода Слава Жыльян, учлаучина с ситцевобивной фабрики Шура Подколзина, студентка педтехникума Вальд Филькова, — все они простые советские юноши и девушки. Встретить на

улице, никогда не подумаешь, что они давно уже выросли из «носоперничихих птосов» в молодых орляк, что многие из них мечтают быть такими, как Анна Самосадова.

Анна Самосадова — это новая мечта Тони Королёвой. Стать такой же знаменитой планеристкой, побить мировой рекорд, как это сделала Самосадова, — что может быть интереснее на свете? Встречаясь в стенах аэроклуба с молодой рекордсменкой, Тоня всегда вспоминает, что Анна Самосадова сама не так давно окончила аэроклуб, что Василий Шаров, бригадир-раклетист с ситцевобивной фабрики, окончивший только в прошлом году курс обучения, уже этим летом будет принимать участие в соревнованиях планеристов. Как знать, может, и Тоня со временем сумеет стать в ряды лучших спортсменов?

...Солнце движется к западу. В воздухе потонула прохладка, а самолёт всё вновь и вновь поднимает в воздух на буксире планёр. Меняются планеристы в кабине, меняется самый стиль полёта: это орлята вырабатывают свой «почерк» в небе, — и каждый раз это своя душа, свой, особый характер.

Командир планёрного звена Иван Николаевич Сергеев заканчивает занятия. Он говорит о том, что каждая секунда пребывания в воздухе требует долгих дней учёбы на земле.

— Ваши знания — это ваша жизнь, — говорит он курсантам. — Никаких «интересных случаев» не должно быть в лёгкой практике. Всё искусство и заключается в том, чтобы полёт проходил нормально, соответственно всем требованиям. Крылья крыльями, а голова тоже нужна на плачах... Вот так-то...

Как бы ни были различны пути юношей и девушек, пришедших в спортивную авиацию, у всех у них есть одна общая черта: безграничная любовь к своей Родине. Как и для всех советских людей, для крылатого племени спорт существует не «ради спорта».

Всё, что закаляет душу и тело, развивает мысль и глаз, всё, что укрепляет нашу страну, будет всегда любимо нашей молодёжью.

«Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех» — вот задача, стоящая перед нами.

И можно не сомневаться, что Василий Шаров, Аёва Ивеевски, Толя Житников, Тоня Королёва, Женя Осокин и многие, многие другие, начиная с тех, кто пока ещё только мечтает о полётах, и зная теми, кто уже ставит рекорды за рекордами, — все они с честью выполнят эту возмужную задачу. У них есть для этого всё: орляные крылья, горячее сердце и светлая разум.

Николай СИДОРОВ

В полёте

В густой росе деревьев стройных ветки.
Пилот идёт по молодой траве,
В руках перчатки, на боку планшетка
И тёплый, плотный шлем на голове.

А на планшетке строгие квадраты,
В квадратах точки городов и сёл,
Москва, Варшава, Волга, и Карпаты,
Берлин, и Дон...

Он этот путь прошёл.
Отважный лётчик сталинского века
В сражениях прославлен на века,
Он видел отраженье в дальних реках
Испытанного в битвах ястреба...

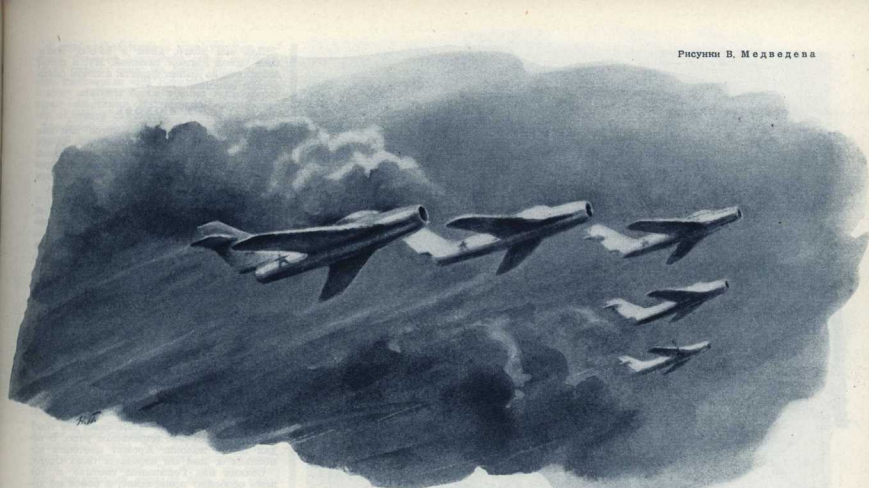
Ему послушна боевая птица,
Его зовёт и манит высота,
Он за рули привычные садится

И подаёт команду:
— От винта!

И гул машины перекатным громом
Гремит и тонет в чистой синеве,
И ветер на краю аэродрома
Запутался в нежной траве.

День разгорается, лучист и светел,
Для соколов дороги широки,
Гул заводских гудков разносит ветер —
Счастливым путь, родные ястребики!

И ястребки уходят грозным строем
Всё выше, выше в голубой зенит...
Послая в полёт своих сынов-героев,
Страна за ними с гордостью следит.

Владимир СМОЛИН

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

1. ЕГО ПОЧЕРК

В день авиационного праздника мне пришлось быть на аэродроме, с которого поднимались реактивные истребители. Выпускается зелёная ракета — в тот же миг две машины стремительно срываются с места, и уже откуда-то издали доносится протяжный свист.

Из репродуктора на пульте управления доносится по радио слова команды.

— Будьте внимательны... Делаем правый разворот! — предупреждает ведущий. Где-то раньше я слышал этот голос? Где?

Истребители появились над аэродромом так же внезапно, как и скрылись минут пятнадцать тому назад.

Два слабый ветерок, или, как его называют лётчики, «бокочвичок». С земли было видно, как ведущий, накренив машину, борется со сносом. Истребитель с бортовым номером «112» приземлился первым.

— Бабаев... на три точки!.. Поставьте в журналах посылка отличная! — сказал руководитель полёта офицеру из штаба.

«Бабаев», — повторил и про себя. — Очень знакомая фамилия. Не тот ли это сержант? — Навстречу мне с пучком выскочков в руке шёл Саша Бабаев. Теперь он уже был подполковником, его гулял украшали два ряда орденских колодок. Весёлый блеск глазубоватых глаз напоминал прежнего 19-летнего паренька.

...Тихим мартовским вечером 1942 года к Тихину приближался пелопча транспортных самолётов. Воздушные корабли сопровождался маломальскими, кривыми истребителями. Одним из них управлял самый молодой лётчик полка сержант Александр Бабаев. Лётчики-истребители охраняли транспортные самолёты, на борту которых находились женщины и дети, эвакуированные из Ленинграда.

После я узнал, что над Ладогой был горячий воздушный бой, но наши истребители не дали немцам выпустить ни одной пулемётной очереди по советским кораблям. В скважке отличился и Бабаев. Когда

один из «мессершмиттов» хотел внезапно атаковать сизгу воздушный корабль, перед его носом пронеслась огненная траסה. Фашистский лётчик понял, что его манёвр провалился, и поспешил убраться в сторону. Это был первый бой Бабаева.

На аэродроме я спросил лётчика: — Почему же не удалось сбить «мессера»?

— Далековато шёл... Но покауты за мной. Это я вам обещаю! — И Бабаев повернулся к окружающим нас лётчикам.

В полку все знали, что новый лётчик до войны занимался боксом.

Во время прорыва блокады Ленинграда Александр Бабаев открыл свой личный боевой счёт. Прилетев на аэродром, он, не скрывая радости, крикнул механику Осипову:

— «Фокке-Вульф-190» покаутирован на пятый минуте... Через две — три секунды немец приземлился в землю.

Сказана фраза быстро, а сбить противника не так было просто.

Находясь в полёте, Бабаев помнил: фашистские лётчики часто охотятся за нашими штурмовиками при выходе их из атаки. Бабаев стал особенно внимательно осматривать воздушное пространство. Сверху небо было чистое. Но вот он заметил, что пара «Фокке-Вульфов» с брежневой полёты ныряется зайти в хвост и атаковать ведущего группы советских штурмовиков. Бабаев молниеносно перебрал свой самолёт в стремительное пики. На стороне Бабаева был запас высоты и преимущество в скорости. Александр ринулся на фашиста и двумя точными очередями пригвоздил самолёт к земле.

Слушая рассказ командира, механик Осипов от души радовался его успеху. Он успел признать и похвалить этого высокого весёлого парня, любившего с утра заниматься «лёткой» резиновой. Разминка заключалась в том, что Бабаев брал в руки двухпудовую гиру и начинал, как он сам шутя говорил, «креститься». «Двухпудовичок» похвалял со своим хозяином и на Карельском перешейке и далеко за По-

лярным кругом, когда Александр с товарищами участвовал в освобождении от фашистов норвежского города Киркинес.

260 боевых вылетов, 49 воздушных боёв и 10 лично сбитых самолётов — таков итог боевой деятельности Александра Бабаева в годы Великой Отечественной войны.

Июльский воскресный день... Тушинский аэродром. Великий Сталин, руководители партии и правительства, тысячи зрителей с захватывающим вниманием следят за высшим пилотажем на реактивных истребителях. Воюющее зрелище! Пятёрка красновидных машин в едином строе чётко и красиво выполняет сложнейшие фигуры: петля Нестерова, имельман, переворот. Лёткость, самность строя, выверенная точность в движениях отчаянно «воздушный почерк» стремительной пятёрки. Её был наш старый знакомый Александр Бабаев.

2. ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Знаете, что такое штурман? Это мозг воздушного корабля. В самом деле, выдумайте, приглядитесь к нашей работе... Иногда вот так думать: как же может справиться со всем этим один человек?

Эти слова доносились до меня, когда и шёл к беседе на окраине аэродрома. Сквозь густую зелёную листву не было видно говорившего. А человек говорил горячо и эмоционально.

Рассказчик стал перечислять обязанности штурмана в полёте: и следить за воздушным целям, и промерять ветер, и стрелять по воздушным целям, и поправлять планета на боевом курсе...

На минуту рассказчик умолк. Наступила короткая пауза. Я подошёл к беседе. На широкой скамье сидел человек семь пилотов, штурманов и стрелков-радистов. Все лица были обращены к Николаю Таратайко: рассказывал он.

Это был ещё совсем молодой штурман. Но на его форменном кителе я заметил два ряда орденских колодок. Ордена

Шли мы долго, днём и ночью. Притягивалась одна изюмная кашка. Ну, а потом добрался до линии фронта, а потом опять летал вместе...

3. ЛЮБОВЬ

Эскалатор московского метро нёс мне навстречу сотни пассажиров. Среди них я заметил девушку. У неё были пышные тёмнокаштановые волосы, приятное продолговатое лицо, с разлётом тёмных бровей.

— Дётя! — успев крикнуть я. Она отшатнулась, чуть кувшая глаза и, приветливо махнув рукой, жестом показала, что будет огибать меня вкось. В широком восточном станциях мы встретились с ней, разговорились.

— Так вот ты какая стала, товарищ старшина! — сказала я.

— Бывший старшина, а ныне преподаватель русского языка и литературы! — поправила Лёля.

— А где же Петья?
— Здесь, в Москве, учится в Академии Жуковского. Сейчас я еду как раз к нему. Можешь составить компанию.

Мы вошли в поезд. Я заметил у глаз Лёли на светоаэтоматной коже есть мелкие морщинок и подумал: как много пережила эта молодая женщина за свою короткую жизнь!

Мы познакомились более семи лет тому назад, в солнечное апрельское утро. В садах цвели яблони. Аромат цветения доносился к нам на аэродром близ Одера. Солнце над Германией светило в тот день особенно приветливо, и вовсе не хотелось думать, что ещё ждёт война, что каждый день битвы унесёт десятки и сотни жизней.

В штабе полка мне сказали:
— Вернулась с задания группа штурмовиков. При выполнении боевой задачи отлучился экипаж молодого лётчика Петра Лекеряева.

Ленина и Красного Знамени, которыми был награждён штурман в годы войны, горючили о многом.

— Товарищ капитан, — спросил у штурмана кто-то, — а вы верите в «штурманское счастье»? Вот мы недавно прилетели с задания, наш штурман проматнулся на полгоне. Командир экипажа стал его ругать, а он и говорит: «Что вы меня ругаете? Ведь наше дело такое: кому как повезёт. Попадётся — твоё счастье, не попадётся — твоё несчастье».

— Передайте вашему штурману, — сказал Таратайко, — что он либо поощрится либо... лентой!

Таратайко стал говорить о том, как важно пилоту и штурману «срабатывать» в воздухе, что, помимо пяти основных человеческих чувств, у людей лётной профессии должно быть развито так называемое чувство локтя товарища.

— Это и есть наше счастье, — заметил Таратайко.

Лётчик Виктор Шиханов попросил штурмана рассказать об одном из его боевых полётов в Заполярье в годы войны.

Вот что он рассказал:

— Вместе с Леонидом Кузнецовым (он сейчас летает на штурмовиках) получали мы задание произвести разведку в глубоком тылу противника. Дело было 7 мая 1942 года в Заполярье, на Карельском фронте...

Тихо говорит штурман. От порывистого ветра слышится аистья старых птиц, окружающих бесшумно платным задённым шквором. Из раскрытого окна, ничуть не мешая рассказу, а как раз очень к месту, доносится звуки балла и песни:

— Да мы вдвоём, друзья-однополчане, боевые спутники мои!

— По расчёту времени, — продолжал штурман, — мы летели километром за шестьдесят от линии фронта. Где-то поблизости должна была находиться база, от-

куда фашистские войска получали боеприпасы и горючее. Только мы отбомбились и взяли обратный курс, как вдруг с разных направлений ударили зенитки. Самолёт рухнул в ярымок. Внезапно нашу машину тряхнуло, и она круто пошла влево. — Дётя, — кричу я пилоту, — тыи к озеру! Там лес близко. А лес для нас — одно спасение, потому что кругом была местность открытая, сплошное болото. Кое-как развернув Кузнецов поблгнуге машину к лесу, однако при этом он потерял высоту. Выпрыгивать из парашютах было поздно. Садиться на лес — верная смерть. Тогда кричу Леониду: «Сажай на лёд!»

Как мы сели, не помню. Отчулся я на льду, в нескольких метрах от обломков нашего самолёта. Провёл рукой по лицу — на щеках кровь. Рваный в голову... Невпрерывно ударился о приборную доску во время посадки. Рядом без движения лежит Кузнецов. — Дётя! — позвал я. Молчит. Взял его руку: пульс есть, но слабый. Что тут делать? В любую минуту могут нагрянуть фашисты. Взял я Кузнецова на плечи и пошёл к лесу.

За первые сутки я прошёл что-то около восьми километров. На другой день я совсем выдохся. Подкрепил силы нечем, еле передвигать ноги, перед глазами красные круги. Со слез отдохнуть. Кузнецов шепчет: «Оставь меня, Коля... Один иди...» А я ему говорю: «Попейте с чаем! Как тебе не стыдно!» А сам думаю, чем бы его морально поддержать. И вдруг вспомнил стихи Твардовского. Такие, знаете, хорошие стихи. И прямо подходят:

У лётчиков наших таная поруна,
Такое заветное правило есть:
Быть уничтоженным — Большая заслуга,
А друга спасти — это высшая честь!

«Понял?» — говорю Кузнецову. — А ты — оставь и тому подобное. Вспомни рассказы Джека Лондона о золотоскапателях. Разве есть у них чувство локтя? У них, кроме чувства важности, ничего за душой...»
Понял Кузнецов, перестал жаловаться.

Я пошла размякнуть стуженую мне машину. Самолёт Лекаренко стоял почти у самой ограды сада. На борту было выведено киноварью: «На Берлин!». Вся трава вокруг машины была усоеена нежирозовыми лепестками. Их, наверно, сорвал ветер от винта самолёта.

Навстречу поднялся кареглазый коренастый человек.

— Лейтенант Лекаренко! — представился он. — Командир экипажа, а стрелок сейчас подойдёт!

Спустили винт и встали широкой плоскости штурмовика вышла стройная девушка. Глаза её, слезка припухшие, светлясь, тёмным блеском, выгоревшая добела гимнастёрка была чуть помята. Я догадался, что девушка отдыхала в тени самолёта.

— Мой воздушный стрелок! — представила Лекаренко девушку.

— Старшина Назарова! — отрекомендовалась она.

— Лёля, — попросила лётчик, — расскажи товарищу о нашем сегодняшнем полёте.

— Что ж, — начала Лёля, — полёт как полёт. Ничего особенного. Правда, истребители немцы появились, но во-время мы ещё не окончили штурмовку, а они тут как тут...

Лёля перешла на «лётный» язык. Она очень выразительно поёжид гудками, как в хвост её штурмовку стал преследовать фашистский истребитель. Немец, повидимому, знала, что, если он зайдёт в хвост русскому штурмовку, экипаж останется беззащитным. Не будет же советский воздушный стрелок бить по хвосту собственного самолёта!

Лёля внимательно следила за врагом. Когда над её головой в полуметре от кабины прошла светящаяся трасса пули, она крикнула лётчику:

— Бьёмся штурвала на себя!

В каком-то дождь секунды, когда самолёт круто пошёл вверх, девушка бамзко увидела тёмносерый фюзеляж с крестами на плоскостях. Лёля выпустила в него дашиную очередь. Из патрубков мотора фашистского истребителя хлынула дым, и немец круто ушёл в сторону. Лёля стреляла теперь короткими очередями, приговаривая: «Вот тебе, полуцай!»

После посадки на своём аэродроме Лекаренко увидел, что у левой плоскости машины, там, где крепится элерон, зияют рваная пробоина. К подобным рывкам он давно привык. Нередко пробоины бывало так много, что даже старые авиаторы удалялись, как лётчик мог довести испорченную машину до своего аэродрома.

На фронте была обычай: боевой успех друга отмечал вся эскадрилья. Так повелось с первых дней войны. Когда Пётр Лекаренко в пятидесятый раз слетал на штурмовку, авиаторы решили «сюрпризом» отметить своеобразный юбилей своего боевого товарища.

Вечером в офицерской столовой ему и Лёле Назаровой преподнесли торт, на котором искусный аэродромный повар вывел число «пятьдесят». Тогда ещё никто из лётчиков не знала, что капитан Пётр сделал Лёле предложение и она согласилась стать его женой.

— Мой маленький тост, — сказал тогда командир полка, — я провожаю за тех, кто обороняет нас, лётчиков, в бою, за наших воздушных стрелков, за тебя, Лёля.

— Мы вместе с Петром бьёмся за жизнь, товарищ командир, — ответила смущённо Лёля.

Вскоре весь полк праздновал короткую фронтую свадьбу лётчика Петра Лекаренко и воздушного стрелка Лёлы Назаровой.

...Малышки станции метро. В тёмной синеве вагонных окон отражалось лицо Лёлы Назаровой. Я думал о том, какой сильной должна быть любовь этой девушки, рождённая в бою, выдержавшая испытание огнём.

ФОТО Г. МАЯКОВОГО

Над родными просторами.

РЕКОМЕНДАЦИЯ В ПАРТИЮ

Члены комитета ВЛКСМ собрались в кабинете председателя колхоза. Секретарь комитета окинул взглядом присутствующих и коротко сказал:

— Начнём.
Вокруг большого, покрытого красным полотном стола сидели девушки и юноши. Загорелый бородатый Василий Болотенко, учётчик 2-й бригады, проводил за руку и маленького студента, где был установлен радиоприёмник, и что-то торопливо записывал в журнал.

— Вася, ты всё подчитываешь? — спросил секретарь.
Болотенко отложил тетрадь в сторону:

— Уже подчитал, Сеня.
Из каждого из членов комитета, помимо общественных поручений, есть свои производственные обязанности. Звеньевые Аня Яковлева, рослая черноволосая девушка с выразительными, лучшими глазами, и её подруга Лиза Черник, веселая, худощавая, только недавно пришла с ювы. На их рабочей одежде заметно осенний дождь. В жаркие дни, когда солнце особенно жёгет лицо, паль прикипает к мокрому от пота брздукам, пальцам. Руки девушек загорелись, с твёрдыми, натруженными пальцами.

Девушки сидели рядом и о чём-то переговаривались. Аня и Лиза работают в бригаде Александра Березовского. Им особенно приятно присутствовать на этом заседании. Задолго до начала девушки знали, что сегодня вечером они будут решать вопрос о рекомендациях в кандидатуру партии их бригадир. Александр Березовский пришёл на заседание тоже прямо с поля. Его выгоревшая на солнце куртка плотно прилегла к плечам. На лице были заметны смущение и та необычная тревога, какая бывает у всех людей в момент больших событий. Пожалуй, за всю свою жизнь Александр Березовский не испытывал такого волнения, каким он был охвачен сейчас.

Готовясь в партию, Березовский пристально следил за работой коммунистов своего колхоза, учился у них всему тому, чем богаты и красивы были эти люди. Среди них как-то невольно выделялся Посмитный. Когда-то Макар Анисимович был интуком, батрачка, а теперь он уважитель человек в республике. Посмитный двадцать восемь лет на посту председателя колхоза, ему народ оказал высокое доверие, избрав своим депутатом в Верховный Совет УССР. Неумным, всегда деловым и принципиальным, председателем колхоза звановал любовь колхозной молодёжи. Александр Березовский не зря называет Посмитного батей. Для него Макар Анисимович — батя и не вперёд и не назад. Правда, батюшка так, что Посмитный влур раскритиковал на него или неожиданно туrowно спросит по радио:!

— Березовский, сколько можно вас жалдеть? Почему не являетесь вовремя на заседание правления?

Досадно, что председатель объявляла это на весь колхоз, и Березовский не был собранся поговорить об этом с председателем по душам, но, как правило, разговаривать не любил.

В то время, когда Александр решил начать разговор, Посмитный чуть прищурив свои большие умные глаза, улыбнулся и так это запросто скажет:

— Был, Саша, в поле. Хлеба твои сердце радуют. Правильность чёткая. И хлопок, и пшеница, и кукуруза — всё поднимается ровно, дружно.

Березовский помолчит, подумает и говорит о каких-то обидях не решається.

Секретарь комитета прочитал заявление Березовского. Как показало Саше, он особенно выделал слова: «Доверие комсомольской организации оправдало себя».

Несколько минут в комнате длилось молчание. На загорелом, словно обожжённом лице Березовского румянец еле заметно заметил. Он сидит, как школьник, потупив голову, едва заметно тербит козырёк своей ошавлёной стеганой солёной фуражки.

Достов ли он в партию? Нет ли в рядах партии? Ведь не каждому комсомольцу суждено стать коммунистом!

Никто у Александра Березовского ничего не спрашивает, и никто не выступает; каждый из членов комитета, видимо, про себя решает вопрос: рекомендовать Березовского в партию или обожждать?

Тиньшу нарушил Посмитный. Как всегда, он пошёл торопливо, с шумом залюбовавшись и все подгадывая, что батя только что «распекал» кого-то. Посмитный сел в уголок, прислушался. Он потрогол большой ладьюю коротко остриженные волосы на голове и спросил вполголоса:

— Что решете?

— Рекомендую Березовского в партию, — тихо сказал Болотенко. Глаза Посмитного загорелись.

— Какие будут вопросы к товарищу Березовскому? — спросил секретарь комитета, глядя то на Лизу Черник, то на учительницу Тамару Иванову Архипову.

— Какие поручения вы выполняли в комсомоле? — спросила Тамара Ивановна.

Александр Березовский встал, шагнул фуражку. Невысокий, крепко сложенный, он был похож на юношу-девятнадцатилетника. И в голосе его, неровном, чуть звенящем, чувствовалась волнение и тревога, какие бывают у школьников на экзаменах.

Когда началась Великая Отечественная война, Березовский добровольно ушёл на фронт.

Не всё сейчас Александр рассказывал о себе. О том, как работал его бригада, здесь অন্য и так. В области по его почину развернулось социалистическое соревнование за отличное качество и снижение себестоимости каждого вида полевых работ. Пшеница на участках 2-й бригады поднимается ровно, дружно, и это всё потому, что бригада Березовского организованно провела осенний сев, прополку и подкормку. Знают в артели, что березовцы, а вместе с ними и все колхозники и колхозницы обаялись собрать высокий урожай одной пшеницы.

В вопросах Березовского задавали много. На один он отвечал коротко на другие давал подробные, обстоятельные ответы.

Нельзя, к примеру, в двух — трёх словах ответить Посмитному, как бригада готовится к уборке урожая.

Бригадир говорил долго, стараясь охватить весь комплекс предстоящих уборочных работ, но Посмитный заметил другое:

— Ты всё говоришь: уборка, прополка... А ты, Саша, рассказывай, а у тебя в бригаде хлопцы и девчата работают. Знаю, книжки у тебя читают, боятесь своей вывешивают. А как твои бригадники учатся? Бывают ли они в агрошколе?

И Березовский снова начал рассказывать. Так говорил он первый раз в жизни, и все увидели Березовского, каким он был: знающим делом, умеющим понимать людей, умеющим направлять их, помогать им и учиться у них.

Когда началось выступление, первым явил слово Василий Болотенко. Недавно прибывший из рядов Советской Армии, он принял говорить ясно, отчётливо. Работая учётчиком в бригаде Александра Березовского, Болотенко знает все хорошие и плохие стороны своего бригадира.

— Слово нет, — говорит он, — Березовский достоин того, чтобы мы его имени комсомолу рекомендовали в партию. Но у меня есть и замечания. Александр — человек скромный, молчаливый. Это хорошо.

Но иногда его молчание мешает в работе. Бывает так: идёт много людей и слова не скажет. А люди у меня спрашивают: «Чего нам бригада дует?»

Макар Анисимович Посмитный сказал очень коротко:

Конечно, троша не стоят пустые слова; болтуны, как татарин, ко всему цепляются, а пользы от него нет. Слово коммуниста — живинка в дело, и потому люди, товарищ Березовский, ждут и добрый совет и шутку, а если за дело, и смелый упрёк.

Голосовали за рекомендацию все члены комитета.

От Дворца культуры, где помещался кабинет председателя колхоза, к своему дому Александр Березовский шёл один. Луна освещала улицы, пахнувшие зеленью деревьев; по дорогам, как полотнища, лежали уже густые тени лесопосадок. Всё было своё, родное, и Березовский испытывал необычное, торжественное чувство. Хотелось долго-долго бродить по освещённым луной улицам, дышать прохладным вечерним воздухом.

Новые чувства наполнили его сердце: большие, возмужавшие, они овладевали всем его существом. Слово «партия» для Александра сделалось еще ближе, еще роднее. И вот он, будущий коммунист, шагает по улицам своего колхоза и как-то зорче видит несметные богатства своей артели. Гудит мотор электростанции, которая освещает дома колхозников, общественные постройки. Дворец культуры, школу, танцевальный движенье молотилки и другие сельскохозяйственные машины.

В абдановом саду чуть слышно колыхнутся от лёгкого ветра густые ветви, шестидесят мягкая шелковиста. На виноградниках светит костёр — это сторож оберегает от утренных холодов некрещёные виноградники кусты. Дым окунает свет, широко полыхая виноградка.

Березовский останавливался у своего дома и, восторг невозможного, тихонько постучался. Жён... Надя, уже давно улупившая в кроватку своего полутроремясного сына, открыла дверь и, посмотрев на мужа, встала сразу, пошла к нему, обняла и сказала:

— Поздравляю, Саша.

Долго сидели они. Почему-то вспоминали дни, когда Саша укаживал за Надей, и вспоминал это сейчас было очень радостно.

И всё же Березовскому заботилось хоть невозможно посидеть одному постучался. Жён... А я, в possu же, — сказал он.

Как только Надя услала, Александр сел за стол, раскрыл «Вопросы Ленинизма». Он нашёл то место, о котором думал, те слова, которые лучше всего раскрыли его состояние. Это была статья товарища Сталина, данная им на II Всесоюзном съезде Советов.

В тетради, в которую Александр Березовский выписывал наиболее важные мысли из прочитанных книг, он написал и подчеркнул следующие слова:

«Им, коммунистам, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского государства, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как завидно членам партии. Александр ещё раз перечитал эти слова, закрыл книгу, распахнул окно и, вдыхая свежий воздух, долго глядел в лунную даль тихой украинской ночи. На душе у него было легко и торжественно, как праздник.

Колхоз имени Будёнкова,
Березовского района,
Одесской области.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Скульптура работы Е. В. Вучетича, установленная у входа
в Болото-Дворцовый судоходный канал имени В. И. Ленина.

Поздний август пришёл без оглядки,
Задоснулся, устал, заспешил.
Он осиним бордовым латки
На зелёные платья ношил.

Под еловые сизые лапы
Побросал с перелётом дождей
Сыроежек лиловые шляпы
И косматые губы груздей.

Взбудоражил тихою Ветлугу,
Приподнял и размыл берега,
Разметал по колхозному лугу
Молодые крутые стога.

В пелюсатнике явнет крушина,
Жернова захлебнутся зерном,
На дороге буксует машина,
До отказа гружённая льном.

Мargarита АГАШИНА

По раздольной земле

Вся в рубчатых метлах сухая земля —
Здесь «МАЗы» прошаги, грохоча и пыла.

Прошаи самосвалы за грузом пород
К переднему краю великих работ.

Там трюх комсомольские звёзды зажги,
Даже веху красный тропещет флажок.

Врубался лучами в горячую тьму,
Идут вереницей машины к нему.

И в миг кузова оседают у них,
Приняв из ковша тяжесть глыб
земляных.

И с рёвом уносится «МАЗ» в темноту,
К отвалу спешит, вымеряя версту.

Идут из кабины махнула мне рукой
Весёлый парнишка в кеплочке алкой:

«Привет!» И, как гордость, проибе
в темноту
«Сто тысяч пробега» на пыльном
борту.

Мечталось когда-то мальчишке в селе
Машины водить по раздольной земле...

А эта дорога совсем не длинна,
Всего на версту размахивался она.

Но ты у шофера поди распроси,
Как путь тот короткий далёк и красив.

Поди разуйный у водителя, друг,
Какие просторы он видит вокруг!

Идут самосвалы, гремя и гуля,
Заринцами фар из-за круч восхода.

Евгений ШАТРОВ

ЭЛЬЗИ

Рассказ

Рояль стоял на эстраде, сверкая зеркальной полировкой, величественный, изысканный, словно высеченный резцом скульптора из огромной глыбы чёрного мрамора. У Эльзы сильнее забилось сердце... Неужели и она сможет сделать вот такое же прекрасное инструментальное?

Служащий филармонии пригласил эскеруантов подойти ближе и начала объяснять устройство рояля. Как всё, оказывается, в нём сложно, как точно и умно рассчитано! Эльзы обратила внимание на необычайно тщательную отделку каждой детали. И в этом деле, у старого Освальда Урма золотые руки. Даже не верилось, что этот рояль он построил один в своей маленькой кустарной мастерской.

Музыкант опустил пальцы на клавиши, и зазвучали аккорды, то нежные, звенящие, то густые, рожущие. Чужесды инструмент — рояль! Да ведь это счастье — самой участвовать в его постройке! Многому надо будет учиться? О, этого Эльзы никогда не боилась!

Эльзи Хинт работала на мебельной фабрике, на той самой, которая теперь реорганизуется в фортепианную. Все рабочие толкуют и говорят о роялях. Вот почему комсомолцы и затеяли экскурсию в филармонию. Надо же молодым столярам как следует познакомиться с производящей, которую предостоят теперь выпустить!

Возвращаясь с экскурсии, Эльзи шла рядом с широкоплечим, всегда спокойным Арведом Ливингстеном. Ну и пусть думают, что Арвед за ней ухаживает! И вовсе не ухаживает, а дружит они, гуляют иногда вместе — и только.

— Замечательный мастер! — сказала Эльзи.

— Да... отозвался Арвед, понимая, кого она имеет в виду... Лучшего нет в Эстонии! А когда он жил в Ленинграде... то есть в Петербурге, ему приходилось настраивать рояли самому Урму-Корсакову.

— Неужели? Сколько же лет Урму? Лет семьдесят?

— Примерно... Опыт у него огромный! Есть чему поучиться у такого мастера!

Осторожно подравнявая футляром тончайшую дощечку для резонансовой дека, Освальд Урма с досадой вспоминал вчерашний разговор по поводу работы на фабрике.

Иоханес Лаур, директор фабрики, приехал на «Победу» и сидел у него часа два. Слова начались отговорами. Да разве его уговорить? Урма не верил, что все эти столяры, строившие до этого сиех пор кресла и шифоньеры, смогут переквалифицироваться на ходу и научиться выпустить такие же рояли, какие делаются он в своей мастерской. Директор говорил, что производственный процесс будет работат на множестве отдельных операций. Ну, не что же! Нет такой операции в постройке рояля, которая не требовала бы от рабочего особой точности труда, огромной силоры. Смешно! Мебельщики берутся за рояль... Слыхала ли хоть кто-нибудь из них о «Хорошо темперированном клавире» Баха? Знают ли законы акустики? Отлачиват ли «до» от «фа»? И ему, Освальду Урму, предлагают быть среди этих столяров главным мастером... Просто смешно...

Конечно, сказать об этом директору было неважно. Пришлось сослаться на возраст и нездоровье. Пришлось сослаться ещё и на незаконченный рояль для консерватории. Тут-то Лаур его и пойма. Он предложил прислать с фабрики столяра в помощь: «Кстати, увидели, какие у нас краснодеревщики!» Тут уж нельзя было отказаться.

Вспомнив об этом разговоре, Урма старался представить себе рабочего, которого к нему пришлют. Это, наверное, будет зрелый, умный, усталый дедина, мрачный и неповоротливый, способный раздвигать своими рудинами хрупкую леку. Впрочем, тем лучше! Можно сразу же отослать его назад и сказать Лауру напрямки, что с такими кадрами нельзя делать даже кесла.

За стеной пробойло шесть часов. «Ну вот! А его нет!» — с внемлем раздражением подумал мастер. Но в ту же минуту раздался звонок из передней. Жена пошла открывать, потом крикнула:

— Освальд! Это к тебе... С фабрики.

Передвинув очки на лоб и открыв фартук, Урма вышел в столовую. Так он и знал! Вместо краснодеревщика прислали секретаршу. Наверно, не нашли мастера, просит изменения. Теперь-то директор уже не приехал сам!

У дверей стояла стройная сероглазая девушка в лёгком пыльном и белых туфлях. Непослушные светлые волосы обрамляли её голову пушистым ореолом.

— Где же ваш столяр? — сердито спросил Урма.

— Это и столяр... Меня направил... — сказала девушка, немного смущившись.

Озадаченный мастер помочал несколько секунд. Затем он осведомился всё так же сердито:

— Сегодня вы можете поработать?

— Конечно... И я халат взял!

Как бы в подтверждение девушка взмахнула маленьким чемоданом, который держала в руке. Урма пожевал тонкими, бескровными губами и чуть усмехнулся:

— Иметь халат, безусловно, очень важно... Надевайте его и проходите в мастерскую. Как вас зовут?

— Эльзи... Эльзи Хинт!

Девушка вошла в мастерскую, выправляя воротничок блузки поперек локтя спитого и, видимо, недавно отужженного халата. Она скользящим взглядом по остову рояля и выжидательно остановила свои серые глаза на морщинистом бритом лице старика.

Урма протянул Эльзи готовую рынку — один из тех дамских деревенских брусочков, что подкладывают снизу леку.

— Вот попробуйте сделать... Тонность до МИЛЛИМЕТРА!

Урма неслыханно поперечное сечение, но нижняя сторона по длине сетка дугобразная и требует тонкой, кропотливой работы. Урма решил, что если эта девидка испортит заготовку, он будет вправе немедленно отправить её домой. Однако уже по тому, как внимательно и осмотрела и опушила Эльзи деталь, как уверенно подошла к верстаку, как привычно взялась за инструмент, мастер понял, что прислали ему совсем неплохого столяра.

Продолжая работать на другом конце верстака, Освальд Урм наблюдал за девушкой. Она спокойно и ловко орудовала то фунгалом, то стамеской, часто прибегала к микротерму, и тогда зрелище её расширялось, а брови упрямо сходились и перепонились.

— Вы где учились столярному делу?—спросил Урм.

— В ремесленном... У нас на фабрике многие из ремесленного учмяши.

«Вот же, оказывается!» Урм думал, что в этих учмящих готовят только сесарей и штукатуров. «Посмотрим, посмотрим, чему её там научили!»

Эльзи сделала рипку совершенно точно по образцу. Справилась она и с более сложными пробами. Урм был удивлён. Но ещё больше удивил мастер, заметив в чмодашнике девушку, когда та укладывала каат, хорошо знакому книгу «Устройство и ремонт фортепьяно».

Он попросил Эльзи явиться завтра к девяти часам утра.

...

Арвед даже немного позабывал Эльзи Хинт, когда та отпра-
вилась к мастеру Урму, потом встревожился и вдруг она не
сумеем что-нибудь!.. Но утром Эльзи позвонила, что всё в по-
рядке, и обещала забежать на фабрику после работы.

Она вошла в заготовительный цех во время обеденного пере-
рыва второй смены взволнованная и довольная. Повернув
хвэрку свои маленькие крепкие ладони, Эльзи сказала с шу-
тливой торжественностью:

— Эти самые руки сделали четыре рипки!.. Кроме того они
же выточили подставку для крышки... Вот как! А скоро мы бу-
дем склеивать деку... Мастер Урм говорит, что дека—душа рояля!

Вопросы посылались со всех сторон. Так ли уж сложны фор-
тепьянные работы? И что самое трудное? Как мастер Урм встре-
тил Эльзи?

— Да, всё трудно и всё сложно!—говорила Эльзи.— Точность
нужна огромная... Без великих там допусков! Малейшая небреж-
ность повлияет на звук. А вы знаете, сколько в инструменте де-
талей?

— Ну, штук двести!—сказала наобум кто-то.

— Около тысячи! И ведь все связаны, все взаимозависят.
Думаю, что неслучае стать фортепьянным мастером. Но ничего,
научимся!.. Вчера Урм больше молчал, колчим таким показався.
А сегодня как-то подобрал, целую лекцию мне про эти рипки
прочёл... Столько интересного! По-моему, человек он хороший,
душный, но требовательный... очень требовательный!

Почти ежедневно после работы в мастерской забегала Эльзи
на фабрику. Её сразу же окружала молодёжь. Девушка рассказы-
вала о всё новых работах, которые поручает ей мастер, то-
ронтимо набрасывала чертежи отдельных деталей, объясняла
их назначение. Книга «Устройство и ремонт фортепьяно» пере-
кочивала из чмодашника Эльзи в сумку Арведа, а затем побыва-
ла ещё у многих.

Однажды, рассказав о нарезке струн, начитой мастером, Эльзи
вдруг спохватывалась.

— Совсем забыла! Интересный сегодня был случай... Размеч-
тала, я да и замурлыкала себе что-то под нос... А мастер и го-
ворит: «Позвольте! У вас же хороший слух!» И тут сказала, что по-
ю в нашем фабричном хоре. Вот обрадовался старик! Стал
распрашивать о хоровом кружке, интересовался, у многих ли
в нашем цехе есть слух, кто любит музыку, ходим ли на кон-
церты...

— Постой! Ведь настройщиком не каждый из нас будет!—
сказал Виктор Руммо.— Настройка—последняя операция... За-
чем же всем обязательно иметь первокалассный слух?

— Он и не требует от каждого абсолютного слуха. А вот люб-
ить и понимать музыку, говорит, должен каждый, кто делает
рояль!

— Дело ясно, ребята!—подняла руку Арвед.— Надо каждую
неделю ходить всем в оперный театр или филармонию... Мало
ли что многие и так бывают! Теперь пойдём коллективно.

— Правильно!—кинула Эльзи.— Надо комсомольскому коми-
тету в папи записать.

Подожди вскоре начался. А самодеятельный хор сразу же
вырос чуть ли не втрое. Если б отразившись только хором!
Вокальные упражнения молодёжь вела и на работе. По всем
цехам разносилось: «До-ре-ми-фа».

Мастер Урм был доволен своей помощницей: у неё твёрдая
рука, острый глаз. И как внимательна она ко всем указаниям,
как точно старается их выполнить!

Урм поражака интересе Эльзи к фортепьянному делу. «Почему?
Для чего? Как?» А когда отвечалась на бесконечные во-
просы, виднелся как быстро всё она склеивается.

Уже на третий или четвёртый день знакомства с Эльзи
мастер убедился, что его помощница—очень развитая, культур-
ная девушка. Правда, о владее Иоганна-Себастьяна Баха в теори-
ю и практику настройки Эльзи ничего не знала, но зато она
любит музыку, и даже сама поёт, и в знакомых акустике тоже
неплохо работает. Последнее обнаружилось, когда Урм начал
объяснять принципы действия резонансовой дека:

— Воспринимаем звуковые волны, возникшие от колебания
струн...

— Дека и сама колеблется? Усиливает звучание? Это же
ясно, сказала Эльзи.

— Откуда вам ясно? В книге своей вычитали?.. Разве там
есть?

— Я физику учила... в школе...

— В ремесленном?

— Нет, в школе!.. Училась в вечерней школе рабочей молодёжи.
В десятом классе перешла.

«Вот оно что! А ведь, если считать по-старому, вечерняя
школа—это гимназия. Удивительно! Неужели все у них такие
на фабрике?»

Эльзи показавалась, что в разговорю о деке она обидека стря-
ка. Нехорошо! Надо было внимательно выслушать... Но Урм
не сердился, только задумался о чём-то.

Уже вторую неделю работала Эльзи в маленькой, пропахней
клеем, лаком и стружками мастерской. Вот поспешивалось:
С каждым днём всё больше узнавала девушка, как из многих
пород деревьев, из разных видов металла, химикатов, тканей
рождается прекрасный, красивый и звучный музыкальный
инструмент—рояль.

Работая на фабрике, Эльзи всегда старалась предвидеть себе
тех, кто будет пользоваться мебелью, сделанной её руками. Вот
за этим обеденным столом соберётся большая семья, шумная и
дружная... А к этому шефру подойдет профессор или, может
быть, академик и поставит на полку золотую книгу! А в это
вот покойное кресло усядется вечером со своим названным кака-
нибудь добрая старушка, походя на бабушку самой Эльзи.

Теперь, выстроившая или выточившая очередную деталь для
рояля, Эльзи Хинт думала о людях, которые будут на нём
играть, и о тех, кто услышит его звуки. Конечно, рояль этот
будет сделан Освальдом Урмом. Она только немного поможет
ему. Но всё же маленькая доля и её труда принесёт людям
радость.

...

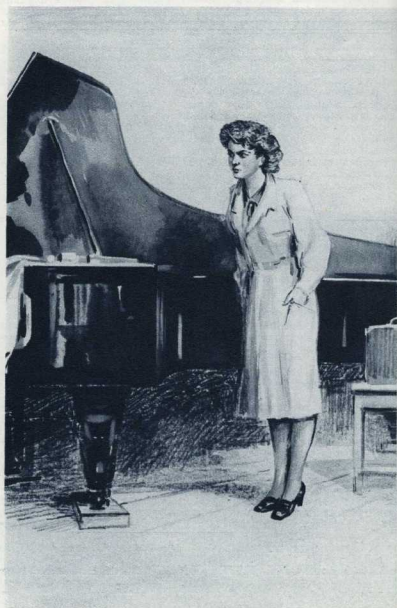
В воскресенье Эльзи и Арвед отправились за город, на пляж.
Арвед захватил альбом для рисования.

Как только автобус вышел на асфальтированное шоссе, про-
тянувшееся вдоль берега, в лицо пахнула влажным и свежим
дыханием моря. Вукта была спойной, совсем маленькие волны,
словно нехоти, набегали на камни и лесок. Чем дальше катились
автобус, тем меньше виднелось у берега камней, вскоре их и
вовсе не стало. Затем вдаль показались сосновая поляна, возле
которой находилась пляж.

Хотя народу здесь оказалось уже порядочно, они нашли себе
отличное местечко на самом берегу.

Вода была тёплая, ласковая, то подальше, где уже можно

Рисунки Г. Балашова

плавать, немного прохладней. Выкупались, возвратились на своё место.

— Как хорошо, Арвед! Правда?

— Что хорошо?

— Всё. «И жизнь хороша, и жить хорошо», как сказала Маяковский.

— Ещё бы! Ты знаешь, о чём я сейчас подумал? Вот пошли пароходы из Москвы в Ростов... А ведь через год — другой начнутся рейсы Балтика — Чёрное море! Поедём!
— Непременно поедем. Прямо в Батуми! А пока что предлагаю волейбол. Смотри, вон ребята сетку натягивают!

— Нет, я рисовать буду... А ты поиграй!

Через минуту Эльзи уже прыгала у волейбольной сетки. Арвед раскрыл альбом и взглянул за карандаш.

Часть рисунка была давно готова, теперь предстояло его закончить. Во всю ширину большого альбомного листа сплетались красивым узором лёгкие витые линии национального эстонского орнамента. В центре они поддерживали собой пятиконечную звезду и обрамляли продолговатую рамку, оставшуюся незаполненной. В этой рамке Арвед и начал набрасывать расходящиеся вправо панораму города.

Город выглядел отсюда особенно живописно. На высоком холме громадился старинный башни, тянулись к небу заводские трубы, понижее проглядывали сквозь зелёные светлые корпуса новых зданий и красивые черепичные крыши, чётко выделялись силуэты подъёмных кранов в порту.

Набросав панораму, Арвед принялся тщательно отглаживать рисунок. Постепенно каждая его деталь становилась всё более чёткой и как бы вышуклой. Юноша так увлёкся работой, что уже и не чувствовал, как припекает солнце, как летит время.

— Арвед! — вдруг услышала он голоса Эльзи. — Иди выкупайся! — Обойди... Вот закончу... Сейчас...

Эльзи заглянула через плечо Арведа в альбом:

— Здорово! Очень хорошо! Только что же это? Для чего?..

Да ведь это... королевский пошпир!

— Не пошпир ещё, а только эскиз пошпира! Орнамент должен быть ажурным, а панораму делать рельефной резьбой... Нравится?

Они! Молодчина, Арвед! По-моему, и придумал и нарисовал отлично... Надо показать Урму!

— Я и хочу, чтобы ты показала...

— Вместе покажем... Да-да! Не спорь, пожалуйста!

— Неудобно же к нему вдруг альбом вносить!

— Ничего... Вечерами он любит у окна посидеть. А мы совершенно случайно пройдем мимо.

Вечером, когда они вернулись в город, Арвед мог убедиться, что Эльзи действительно хорошо уже знает привычки старого мастера. Освайд Урм сидел у окна, выходящего на тихую, обсаженную кайнами улочку, и поглаживал большую пятнистую кошку.

— Добрый вечер! — поклонилась ему Эльзи.

— О! Моя помощница! И не одна... Здравствуйте, молодые люди!

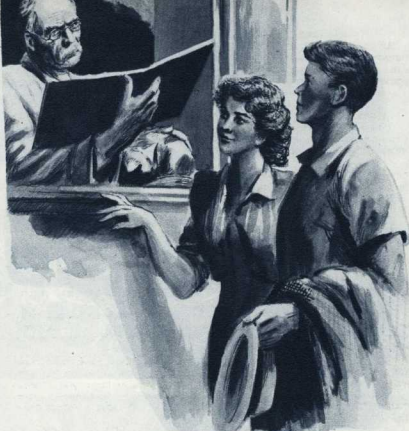
Арвед почтительно снял шляпу и склонил голову.

— Не хорошишь? — приветливо продолжал Урм. — Тогда, Эльзи, познакомьте меня со своим другом!

Эльзи познакомила мастера не только с другом, но и со старшим ним рисунком. Урм надел очки и долго рассматривала эскиз.

— Хорошо! Очень хорошо! — наконец сказал он. — Пожалуй, только вот здесь надо изменить линию орнамента... У вас большой вкус, молодой человек, и вы хорошо чувствуете дерево! Эта рельефная панорама может получиться весьма эффектной. Вы что же, художник? Работаете над оформлением мебели?

— Нет, я механик... Но иногда, в свободное время... Я и режу немного по дереву!

— Отлично и рисует и режет... В ремесленном ещё хвалили! — востаня Эльзи.

— Есть за что похвалить! — кивнула Урм. — Только почему же вы под окном стоите? Заходите, пожалуйста... Прощу! Кофе пить будем!

По маленькому крылечку Эльзи и Арвед поднялись в квартиру мастера.

Пока готовился кофе, Урм всё расспрашивал Арведа о работе, и Эльзи с радостью поняла, что Арвед ему нравится. А потом было уже не до кофе... Старик повёл гостей в мастерскую и стал показывать устройство королевской механики.

Тут Арведа покинула обычное его спокойствие. С волнением глядясь на он в хитром переломлении тончайших рычагов, пробовала слуш репетиционных пружинок, поглаживая головки молоточков.

Все настолько увлеклись разговором, что не заметили, как у крыльца остановился «Победа» Иоханеса Лаура.

Директор фабрики как будто особенно и не удивился, что застал у Освайда Урм не только Эльзи, но и Арведа, и к тому же ещё в воскресный день.

— А-а-а, и Лийласте здесь! — сказал он, здороваясь, и тут же обратился к Урму: — Я к вам вот по какому поводу... Завтра из Ленинграда прибывают королевские механизмы. Надо бы их проверить. Может быть, заедете на фабрику? Я и машину пришлю... Кстати, познакомьтесь с остальным нашим народом! Ведь на фабрике не только эти двое!

Эльзи улыбнулась...

— Придётся захватить! — ответила мастер Урм, и глаза его вдруг блеснули молодо из-под седых бровей.

Алексей ФАТЬЯНОВ

Малое Петрушко

Стою, как мальчишка, под тополями.
Винки осыпалась, отдала.
Ватрино солнце вдала за полями
Коснулось родной моей земли.

Ночь наступила. Луна покатиалась
По косягорам в луга, в поля.
А в доме напротив над книгой склонилась
Русая девушка — песня моя.

Помню, была она очень красивой, —
Ни в сказке сказать, ни пером описать.
Таночка! Таня! Татьяна Васильевна!
Я и не знаю, как вас назвать...

Вы выйдёте утром из дома,
В руках тетради и чертежи.

И, словно как в детстве, знакомо-знакомо
Над нашим домом летает стрижи.

У вас государственные вышке экзамен.
Светится гордость в глазах озорных.
А я восхищённым вижу глазами
Русую девушку песен моих.

Не была я в жизни ни скрытым, ни ветренным.
Песня и пла, ничего не тяя.
Малое, малое Малое Петрушко!
Детство моё! Юность мою!

Стою, как мальчишка, под тополями.
Винки осыпалась, отдала.
Ватрино солнце вдала за полями
Вновь коснулось родной земли.

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ И ГНЕВА

Китай, Корея, Япония... Как ни различны эти три страны, их народы объединяет одно — ненависть к угнетателям-империалистам, к иностранным захватчикам. Это чувство роднит их и их передовую революционную поэзию.

ПАК ТЕН СИК

Письмо партизанке

Сун И, моя девушка!
В эту ночь,
когда вост мотель по округе,
спить ли ты где-нибудь под кустом
или снова идёшь на врага,
высоко поднимая гранату?..

В ожиданье атаки, Сун И,
я лежу под Полярной звездой...
Сколько раз мы с тобой воевали,
на звезду эту вместе смотрели...

Звук горна не слышно смёл,
по атаке не за горой!...
Кровь кипит в моём сердце.
И я,
может, завтра увижу тебя —
повстречаюсь с тобой на заре.

Кровь кипит в моём сердце.
И смерть
отменить наступленья не в силах.

Я к тебе обращаюсь, Сун И,
завяжу тебя: не умру!
Обязательно встречу с тобой!
И под гром барабана в Пекельные
мы на плечи положим друг другу
наши нежные руки
и вновь
запомню позабытую песню.

С корейского перевёл
В. ЖУРАВЛЕВ

Мальчик

Прошла зима,
и вновь весна настала,
и над капитанами жуки повисли;
и мальчику
так страстно захотелось
с ребятами побегать босиком!

Но дверь тюрьмы
окована железом,
и даже ночь с мерцающей звездой
отрезана решёткой от него.
Когда же орудийные раскаты
загрохотали
где-то близко-близко
и стены эхом повторили их,
— раскрывлась камера,
и на пороге

тюремник встаёт,
скомандовал: — Во двор!..
А час спусти
из кучи трупов
поднялся
и, зажав руками рану
на маленькой простреленной ноге,
пошёл вослед за армией народа,
пошёл вослед за танками её...
Из тысячи убитых
он остался
в живых — один!
И, взяв оружие в руки,
он бился, словно тысяча солдат.

Он по отвесным скалам,
словно кошка,
на самые вершины поднимался
и молча обсыпал оттуда мины
на головы своих врагов.

В отряде партизанском называли
его Трояниным Сергеем.
Только
романа о героях Краснодона
мальчишка не успел ещё прочесть.
С корейского перевёл
В. ЖУРАВЛЕВ

ЯН ШИ-ЧЕН,

боец Н-ской части китайских
добровольческих войск в Корее

Матери

Земля вокруг весь день пылала жаром.
На нас десятки раз бросался враг.
Но, отражённый мощным контрударом,
Он отошёл... И вот вечерний мрак
стугнулся. Но стрельба без передышки!
Разорвана отлётом ночная тьма...
И я смотрю под ошнёвые вспышки
в страницы материнского письма.
Желает мать мне ото всей души,
чтоб я врага разбил и сокрушил.
Я знаю, мама, нет такого дня,
когда бы ты не вспоминала меня.
Когда однажды в праздник утром рано,
Встреча Новый год по всей стране
вдруг раздался звук барабана,
ты вспоминаешь, мама, обо мне.
Когда весною с первым ледоходом
взлетают стаи птиц над головой,
ты вспоминаешь сына своего.
Когда в окно твоё без перерыва
стучится дождь осенней, проливной,
ты, прыжок отложив перед собой,
наверное, беседуешь со мной.
Когда же приближат вести о победе,
ты вспоминаешь сына в этот миг
ещё нежизне. И в минуты эти
ты вымалишь счастья для других.
Победы нашей на фронтах Кореи
ты так же ждёшь, как садоводы ждут,
когда у них по осени созреют,
нальются соком яблоки в саду.

Ты спрашиваешь: — Сообщил мне, где ты?..
Когда придёт в комнату твою
очередная сводка о победе,
Иди меня, родная, в том краю...
Переполозав рвы, холмы и ямы,
Переплывав реки под отлём,
Я от тебя жду всё дальше, мама,
Зато победа ближе с каждым днём.
Но чтобы навсегда был сломаем враг,
Готов и дальше двигаться в отле я,
Не останавливаясь ни на шаг!

С китайского перевёл
В. ТУРКИН

ИСИИ ЯСУКО

Любимому человеку

Я почерк твой в листовке различаю,
И понимаю я с радостью и болью:
Хоть нет тебя со мной, но ты на воле,
ты в этом городе, где я, мой милый,
ты скрылся от полиции в подполье.
Мы вместе боремся, мы вместе смята.

Сейчас весна...
А в наш последний вечер
не серебрилась саина нежным цветом,
Ещё на полях солнцем не согретом,
Гулял холодный, обнажённый ветер,
И почки были твёрды и суровы...

Весна пришла...
И радостным приветом
Природа встретила наряд свой новый.
Как я хочу увидеться с тобой
Хоть на дню, хоть на час, хоть
на агонивные,
чтоб в сумерках мы сели под скалою,
чтоб мы могаи, ну, пусть не до рассвета,
поговорить про чувства и сомненья
Вдвоём, подобно многим в наши лета:
чтоб, взявшись за руки, пошла мы
к морю...

Надежды нет сейчас...
Но нет и места горю.
Мы вместе боремся с тобой, любимый,
за то, чтоб жизнь, как утро, светлая стала.
Суровой клятвой нас борьба связала
в союз, как эти скалы, нерушимый.
Мы счастье выиске в борьбе угнетал,
Вот почему на сердце нет печал.
В нём жар борьбы, в нём места нет для
горя...
Я знаю: мы пойдём ещё с тобой тропинкой
к морю.

С японского перевёл
Б. РАСКИН и Ю. ХАЗАНОВ

Лауреат Сталинской премии Антонина Ильченко.

В. КРАСИЛЬЩИКОВ

ЕСЛИ ТЫ ЛЮБИШЬ ТРУД...

— Слово предоставляется вагоной смазчице, лауреату Сталинской премии Антонине Ильченко, — объявил председатель.

Тоня замешкалась: первый раз в жизни её так назвали.

— Чего же ты? — толкнул со стороны Иди.

Она сошла с вагона, рынком подскочила со ступи и пошла к трибуне.

Все обратившись на митинг разом повернулись к проходу, с любопытством разглядывая невысокую полноту девушку в темноватом форменном платье, как будто впервые увидели её.

Тона заранее предупредила, что она должна выступить, и даже пообещала написать речь: ведь она вела раньше не выступала на таких торжественных собраниях. Поднявшись на трибуну и посмотрев в зал, Тоня вдруг сразу поняла: написанное — совсем не то, что нужно говорить. От волнения на глазах у неё выступили слёзы, и ровные круглые бусы, которые она так долго, старательно выносила на тетрадном листе, слегка в спешную сероватую пыль. Она растерялась.

— Не робей! — закричал ей сзади неподходящий Андрей Тимофеевич Шеблякин. — Расскажи про себя.

И Тоня срывалась, своим голосом заговорила о том, как во время войны в девятнадцать она пришла на завод и поступила в депу разнорабочей. Неделю было привыкать к новой жизни. Целый день перетаскивала вагонный инструмент и запасные части, подкачивала рабочие места компрессорами, ходила по всяким поручениям, а главного нет: нет профессии.

— А ты что же думала? — сказала ей в комитете комсомола, — Шесть классов окончила, и сразу тебе инженерю? Учиись. Хочешь к Шеблякину в семью?

Андрей Тимофеевич Шеблякин был лучшим среди старших осмотров вагонов станции Красной Лимы, и Тоня с радостью пошла к нему учиться. Приветливо, но настойчиво встретил он девушку. Андрей Тимофеевич любил сначала узнать человека, а уж потом и доверять ему.

— Посмотри, что из тебя выйдет, — сказал он.

— Посмотри, — задорно тряхнула головой Тоня, несколько озадаченный смехом.

— Ишь ты, прыткая вакал! — удивился Шеблякин. — Вот тебе учительница! — доктор масляных наук? Екатерина Архиповна Павлова. Ну, прыгающая! В то время Андрей Тимофеевич Шеблякин только начинал налаживать работу всей смены по-новому, так, как до сих пор ещё никто в мире не пробовал.

— Ищи, девочка, — сказала Екатерина Архиповна. — Не сержай на Андрея Тимофеевича: с него много спрашивается, и он со всех спрашивает, но при не обидит.

Екатерина Архиповна и Тоня отработали в очерковую смену. С негритянами хотелось присесть, охлопнуть, но Тоня никому об этом не говорила. Быстро переименовала Тоня она ия и спорную смену в вагонный мастерской. С удовольствием подходила к каждому бусу, проверяла её, спарывала к пути.

— А ты смешишь! — часто хвалила её Павловна. — Шустроглазая да быстрое...

Скоро Тоня сдала экзамен и стала работать самостоятельно.

Однажды к ней подошла другая старая смазчица. Как потом узнала Тоня, это была очень ленивая, ленивая работница.

— И чего стучишь? — сказала она тогда, ехав на сторону Шеблякина, устанавливая неподходящую вместе с инженером Колотовым новый станок, сконструированный и сделанный в депу. — Связь катушко-то ладит, радио, маршруты осмотров меняют. Сделай! В нашем деле всё равно проку не будет. Кто про вагоников вспоминает? Самая завальница и грязная специальность...

Тоня задумалась: правый ли она избрала путь? Может быть, правду говорит старая смазчица? Поскажи, вагонник (осмотровщик, слесарь, смазчик) — и впрямь незаметный человек на транспорте. Каждый видит: ходит он в замасленной спецовке по поезду. Да и много ли от него зависит? Задумалась Тоня и... пропустила бусу.

...Со станции Основа получили письмо: в пути у вагона вышел из строя подшипник, привяжи — плавай смена.

— Кто обрабатывал этот поезд? — строго спросил Шеблякин, когда все рабочие собрались в красном уголке на планёрку.

Он знал, что вагоны злополучного поезда смазывала Тоня, но просто хотел проверить, как ты у неё смелости соизнаешь.

— Я... тихо, но твёрдо сказала Тоня, заливаясь краской.

— Как же так полнотуешь? — ещё больше напустил широкие брови,

а, упор взглянул на неё Андрей Тимофеевич.

Мягкое, доброе лицо Тони сделалось суровым. Ясное, понимающее глаза смотрели решительно.

— Хватит! — попрекнул нетерпко, но твёрдо прозвучал в наступившей тишине тонкий голос — Виновата!

— Нам от этого не легче. Ты нас всех похорони. Поезд задержался на двадцать минут. А может, он оборудован для Куйбышевской гидростанции всё? На двадцать минут строительство поддержало, а двадцать минут позже гидростанция вступит в строй... из-за тебя, товарищ Ильченко!

— Да он, помню, не в Куйбышево направился, — заметил молодой слесарь, пожатые Тоню.

— Разве это не всё равно? — возразил Андрей Тимофеевич.

И Тоня вдруг как-то особенно ясно поняла: куда бы ни шёл поезд, какой бы груз ни вёз, он нужен, его ждут. Нет, конечно, не права старая смазчица, называя профессию вагонника «завальщицей». От каждого человека многое зависит, каким бы на первый взгляд маленьким и незаметным делом он ни занимался.

Раньше Тоня не обращала внимания на то, чем нагружены вагоны, которые она обрабатывала. Сегодня девушка шла вдоль состава, внимательно проверяя бусы, забавило поправляя подбуксу, то что, да метки, являвая мизурт, и всё время не забывала о труде. Вот платформа с доземным утлом, вот самоходные комбайны. А от этого вагона-ледника пахнет свежей рыбой. Чем скорее и лучше

станет делать своё дело Тоня, тем лучше будут работать заводы и жить люди. Какая же интересная и увлекательная у неё работа! Слово вся страна провозит перед нею. Труд миллионов людей доверяют её рукам. Нет, не права старая смазчица!

...До завтра поезда остаётся ещё вагонов двадцать, а в воскресенье кончится работа.

«Вот досада! Опять надо идти к инженеру...» — а Тоня пробиралась через пути, подползла под вагоны.

Она делает это с привычной лёгкостью, но сегодня вторичное плечо сильно ударило левую о тормозной шток. И всё же, как она ни спешит, напрасно пропадут минуты пять—шесть.

— Андрей Тимофеевич! — говорит она вечером Шеблякину, когда они вместе идут домой, — вот вы по-новому работу налаживаете, всё меняете. А если и всё дело изменить? Подвести бы смазку к плавному составу... И бы тогда вместо беготни за мазутом ещё разок бусы проверила...

Тоня видит, как просиял взгляд Андрея Тимофеевича. Ласково смотрит он на неё и бездельно рассказывает ей о своём опыте сил, времени и средств совершит эта работа по-новому.

— Хорошо! — радуется Тоня, улыбаясь его рассказам.

— Такое дело мы обязательно исполним, — говорит Тоня Шеблякину. — Как кирпичик в общий дом положим её. С Колотовым автра же поговорю. Он мастак. Что-нибудь придумаем...

И впрямь, вскоре инженер Колотов сконструировал специальную установку для подачи смазки прямо к вагонам. Подогретую смазку сжатый воздух гонит по трубам, проложенным под путями, к вагонным вагонам, установленным в первом депо-складу. Не надо далеко ходить: теперь всё под руками. Легче и удобнее стало смазчицам, больше времени оставалось для основной работы.

Обо всём этом девушка сообщила в комитете с трибуны, улыбаясь ашшу о своих личных заслугах. Закончила она так:

— Комсомол меня вырастил, вы, товарищи, научили честно трудиться, по-настоящему понимать свою работу. По-моему, нет маленьких и незаметных дел. Всякое дело большое, если ты его любишь... Тоня помолчала и затем закончила фразу: — Если ты его любишь и отдашь ему всю свою душу...

— Южное солнце уже с утра торжественно обогрело доющую землю. Перекликаются паровозы, свистят свистки, отправляется на Москву эшелон с углем, спешит на работу люди — начинается обычный день железнодорожного узла.

Тоня идёт вдоль путей. Около этих путей прошли три года её жизни. Смазывая вот такие же вагоны, она стала известным, заслужившим С. Юльевича и благодарностью смотрит девушкой на знакомого, как родной дом, лето, на дежурку и мастерскую, на стеллажи с запасными частями и проекторные лампы, на которых висят огромные транспаранты.

Не на работу идёт сегодня Тоня. Вдаль, за переделом, виднеется дружатый серый дом, уютный, зелёные тополя. Там Тоня учится.

Тоня поднимается по ступенькам и скрывается за дверью.

Счастливой учёбы!

ВГЕРЕДИ ВРЕМЕНИ

Бывает люди, которые, несмотря на свою скромность, запоминаются с первого взгляда. Таким человеком был и Леонид Урзов. В лаборатории энергоснабжения, где собрался представитель двух факультетов Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта, вошла немалый залюда в строгом черном костюме. Он мог бы показаться бледным, если б не яркие незабываемые глаза, придающие его худощавому лицу выражение удивительной жизнерадостности.

В лаборатории было многолюдно. За зеленым столом сидели профессора, деканы, доктора технических наук — все в серых кителях с погонами железнодорожников. Юноша легко и бесшумно прошёл между рядами стульев, приблизился к окну, возле которого стояло сложное сооружение из множества приборов, обвёв глазами собравшихся и приветливо улыбнулся.

— Не волнуетесь! — восхищённо шептала кто-то рядом.

— Выдержки! Он такой...
— Товарищи! — поднялся со стула профессор-энергетик Александр Яковлевич Тихонов. — Сегодня мы присутствуем на защите диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук. Диссертант — Леонид Урзов. Тема диссертации: «Моделирование основных электромеханических процессов электрической железной дороги»...

И сразу воцарилась тишина. В ней как-то особенно отчётливо слышались неторопливая речь Урзова, который то подносил к чертежам, развешенным на стенах, то включал рубильники, чтобы показать собравшимся, что отражают те или иные приборы.

Необычная защита! Необычная тем, что работу диссертанта оценивала одновременно два учёных совета — факультета электрического транспорта и факультета энергетики. Необычная тем, что она проходила в лаборатории и весь смысл её заключался в демонстрации прибора, подобного

которому ещё не существовало в практике мировой железнодорожной техники.

Представленные модели — результат труда диссертанта и других работников кафедры электрических дорог — занимали три стола. Впрочем, Урзов сказал, что эта громоздкость моделей относится уже к их недостаткам. Выслушавши всё это умчелся в широк размерам — не больше обычного радиоприёмника.

— Представьте себе, — говорит Леонид Урзов, — что на каком-то крупном железнодорожном узле произошло большое скопление составов. Задача диспетчера — как можно быстрее «расшить» этот узел. Это не просто сделать, даже если дороги, расходящиеся от узла, не имеют подъёмов. Тогда составы можно выводить со скоростью по два и по три. А если подъёмы? Как унять, достаточно ли диспетчера железнодорожной электростанции, чтобы электровозы без задержки могли втащить на подъём тяжелые гружёные составы? Вот здесь и приходится на помощь наш аппарат. Диспетчер включает рубильник на заданный вес состава, и хотя этот состав ещё не вышел со станции, приборы показывают, как он условно движется по нашей моделированной дороге. Приборы опережают события. Вся задача «расширив» узла решается не теоретически, а практически и всего за пять минут вместо обычных в таком случае пяти — семи часов.

Диссертант смакует. Он бережно трогает многочисленные приборы, расправляет хитроумные сплетения проводов. Все модели собраны его руками, и это, пожалуй, самая лёгкая работа из всего сложного процесса, когда в уме изобретателя складывался весь облик новой машины... Кстати, интересная черта характера Леонида Урзова: он постоянно углублён в себя, что-то обдумывает, рождает, спрашивает. Это больше всего заметно при разговоре.

Позднее кто-то из экзеквентов спросил, можно ли эти модели использовать при паровой тяге.

— Можно, — залучливо подтвердил Урзов, — можно только упростить модели. Да, да... упростить!

Он ещё раз произнёс это слово, как бы сверяя его значение с тем, что мысленно уже проделывал с моделями.

В одной лаборатории с Леонидом Урзовым под руководством профессора Марьям Вартава работает аспирант Фигурнов. Он готовится к защите диссертации по режиму электрических железных дорог. Электрических дорог в нашей стране ещё не очень много, но пройдет 6-7 лет, вступят в строй великие стальные сооружения — и облик железнодорожного транспорта изменится. Жители крупных городов, таких, как Москва, Ленинград и другие, не увидят паровоза, потому что в зоне 100-150 километров железные дороги будут электрифицированы. Товарные и пассажирские поезда помчатся по рельсам с удвоенной скоростью.

Электрифицированная железная дорога — самая дешёвая вид транспорта. Однако истинное значение новых экономических результатов железнодорожного транспорта оценивается не только рублём. Двоячные электровозы могут управляться одним машинистом, да и труд этого машиниста, помещённого в тёмную, чистую кабину, не поддается никаким сравнениям с условиями труда машиниста на паровозе. Исчезнет такая профессия, как конюх. Зато в управлении железнодорожных узлов появится новая профессия — диспетчер-телемеханика. На небольшом экране диспетчера по автоматическим электрическим сигналам будет отражен весь процесс работы этих подстанций, хотя они в это время будут под замком.

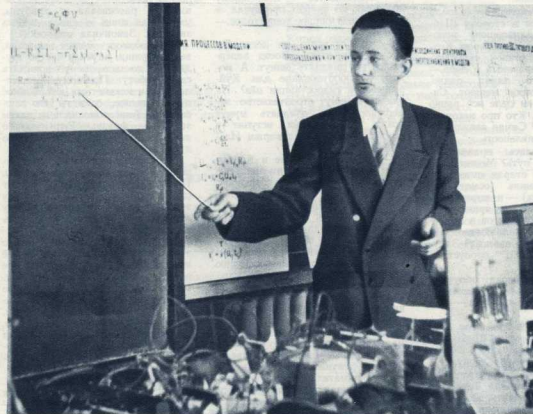
Какая бы проблему ни решали 34 кафедры Московского электротехнического института, албая из них опережает время.

...Но нельзя забывать и о паровозе. Наравне с лабораториями, где конструируются новейшие мощные электровозы, где решаются вопросы комплексной электрификации и дивизия пригородных и нрм районов, существуют лаборатории усовершенствования паровозов. Каждый инженер знает, что железнодорожный транспорт поощает 30 процентов своего топлива, которое вырабатывает страна. Коэффициент полезного действия паровоза по сравнению с тем, что он потребляет, ничтожно мал. Значит, нужен паровоз менее прожорливый и одновременно более мощный.

Кто из нас, путешествуя по железной дороге, не любит смотреть в открытое окно вагона и кто при этом не удивляется на ту копоть, которая летит в куле от длинного дыма дыма? Она оседает на леса, посевы, клубы, загрязняет воздух. Значит, сделать хорошие гаревалоудалители — дело каждого инженера железнодорожного транспорта.

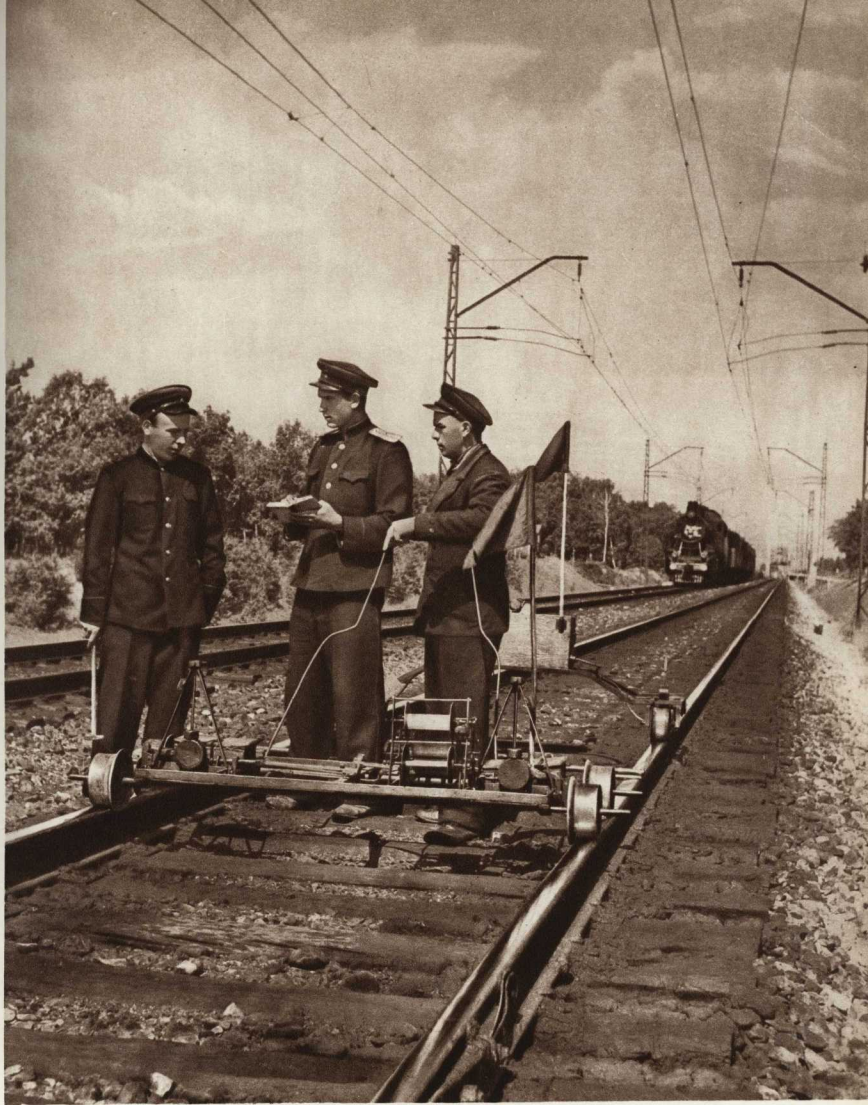
Молодой скоростник-машинист Виктор Блаженко, добившийся пятисоткилометрового суточного пробега паровоза, — почётный гость в Московском электротехническом институте. С ним не раз задумывались беседуя выпускники механического факультета Александр Долганов. Много интересного рассказал машинист будущему создателю новых экономичных паровозов. Свой дипломный проект Александр Долганов посвятил тем более эффективным использованиям средств подвижного состава. В основу этого диплома был положен опыт передовых машинистов. Государственная экзаменационная комиссия единодушно оценила этот проект как «отлично». Объявил Александр Долганов думать поступить в аспирантуру.

Аспиранты! Да, многие из них уже переждали старту времени на несколько лет вперед.

Защита диссертации началась! Леонид Урзов у своих чертёжов.

Фото Г. Ворисова

Осмотрщики пути. На снимке (справа налево): комсомолец Константин Бонов, старший дорожный мастер Виталий Смирнов и техник Пётр Бонов за осмотром участка дороги.

Фото А. Сидорова

Сцена из спектакля «Седая девушка» в театре имени Евг. Вахтангова. Роль Ван Да-чуня исполняет артист В. Дугин, роль Си-эр — заслуженная артистка РСФСР Г. Пашнова.

Фото В. Борисова

СУДЬБА НАРОДА

«СЕДАЯ ДЕВУШКА» ЭХ ЦЗИН-ЧЖИ И ДИН НИ В ТЕАТРЕ ИМЕНИ ЕВГ. ВАХТАНГОВА

Ясным утром, когда лучи солнца золотились в дурнине гор, в над голою широко раскинулось ослепительно голубое небо. Ван Да-чунь вернулся в родную деревню. И не напрасно в этот день солище так щедро отдавало земле соей тобою, заливная её вранья радостным светом. Да-чунь вернулась домой не один он принёс с собой правду и свободу, силу и победу, радость и счастье. Он принёс в Китайскую народно-освободительной армии.

Тесным колымом окружили Да-чуня земляники. Нежно обнимает сына мать. С восторгом смотрит на него деревенские девушки. Только среди них нет невесты Да-чуня — Си-эр...

О судьбе простой крестьянской девушки Си-эр рассказывает китайская народная драма автора Сталинской премии Ху Цзин-чи и Дин Ни «Седая девушка», постановку которой показал недавно Театр имени Евг. Вахтангова.

Тяжелые муки и страдания выманили на долю Си-эр. В бедности и нищете жила она, и только светлое, целомудренно-чистое чувство к такому же, как и она, бедному крестьянину Да-чуню и великая любовь к отцу сдерживали её в трудную жизнь, заставляли глаза Си-эр смотреть радостно и оптимистично на лице девушки самостоятельную улыбку. Но в феодально-помещичьи Китае простой человек не имел права даже на личное счастье. Помещик вынудил отца Си-эр отдать ему за долги свою дочь. Не перенесла такого несправедливого, отец повзвизгал с собой, а для Си-эр наступили дни немощных унижений и позора. Хозяин надругался над нею, растопил её душу. И Си-эр убежала из дома помещика в горы и стала отшельницей. От горя она поехала, а страх перед людьми заставлял её постоянно скрываться, сделала её движения бысто и осторожными. Крестьяне, случайно встречая Си-эр, не только не узнавали её,— девушки перестали принимать её человека. Так по всей округе разнёсся слух о том, что в горах появилась «седая боянь».

«Седая девушка» — любимая пьеса китайского народа. Она пользуется самой широкой популярностью у китайских зрителей: в этой пьесе они впервые увидели на сцене своих современников, таких же простых людей, озабоченных от некоего тибета помещичьи вдоволь борющиеся за свою свободу. Постановку борьбы за свободу своего народа, постановку «Седой девушки» группа китайских артистов показывала на III Всемирном фестивале в Берлине. Спектакль эют с огромным интересом просматривали тысячи юношей и девушек участников фестивалей молодежи и студентов. Это говорит о том, что высоко, своеобразно-много идей, заложенных в пьесе, одинаково близки всем народам мира.

Глубокая правда событий, происходивших в пьесе «Седая девушка», определила реалистический строй спектакля, хотя он и содержит некоторую внешнюю условность, присущую китайской драме. Зрители захватывают, потрясает судьбы простых людей, острые столкновения ярких человеческих характеров. И в то же время, показывая жизнь героев пьесы, режиссёры и актёры стремились к большему социальным обобщениям, старались через частные судьбы раскрыть судьбу всего китайского народа.

Два героя резко обозначены в спектакле: народ и его угнетатели; тяжёлый труд, беспросветная нужда крестьян и паразитическое существование помещиков. И если коллектив театра направил всё умение и талант, чтобы передать духовную красоту и благородство простых людей, настоящую человечность в их отношениях между собой, то с не меньшей силой и мастерством он разоблачил алчность, жестокую натуру врагов народа, показал их обречённость.

Китайским народом создано немало сказаний о страданиях бедняков, о судьбе людей, гибнущих от сознания беспомощности своего поколения. В легенду о седой девушке жизнь внесла новое содержание. Не в трагической беспомощности, а в утверждении силы народа, его бессмертия, его неизбежной победы над

угнетателями — пафос пьесы и спектакля «Седая девушка».

В жалкой лужке встречаются крестные нояг дух. Даже в этот правдивый вечер скручен их ушей. Но сегодня не хочется говорить о своей бедности; сегодня особенно хочется жить мечтой о будущем счастье. Напряжённо слушают Си-эр и Да-чунь воспоминания дяди Чжао о том времени, когда с «юга, с гор пришла один отряд... Все рыцари с красными знаменами и называются Красная Армия... Красная Армия изгнала и кавалиа проклятого помещика, а затем раздала бедным землю...» Ковчилас рассказ, и взволнованные молодые люди с надеждой обращаются к дяде Чжао: «Красной армией придет сила ещё или нет? Глубоко-«Она обязательно вернётся!»

«Эта вера в светлое будущее, в то, что придет день — и мир изменится», помогла измученному народу сохранить в нечеловеческих условиях жизни свою чистоту и достоинство, свою волю к борьбе.

Жестокое издевательство помещика и его матери, тяжкие муки, которые пришлось пережить Си-эр в их доме, не сломили духа девушки, а пробудили в ней яростную ненависть, жажду мщения. В сцене, где Си-эр (Г. Папко) из покорной, затупившей служанки выпрывает в грозного обвинителя, раскрывается сильный, гордый китайский национальный характер. Грешно звучат слова Си-эр: «Я хотела погубить, вам это не удалось! Не извержен нам воли из реки. Не погубить нам ожив в моей груди! Я буду жить, я буду мстить, я буду жить!»

Светлая, жизнеутверждающая тема стала главной в спектакле. Поэтому радостный, оптимистический финал возникает как логическое завершение драматического повествования о судьбе народа, который сквозь тяжёлые испытания и борьбу пришёл к солдному дню победы.

Спектакль Театра имени Евг. Вахтангова согреет большой любовью к китайскому народу. Сердечностью, теплотой, глубокой человечностью проникнуты образы крестьян в исполнении артистов В. Покровского, М. Грекова, Е. Алексеевой, М. Синельниковой. Их враги — помещик Хуан Ши-жень и его мать, управляющий Му Жэнь-чжи — обрисованы И. Липским, Ц. Мансуровой и Н. Бубовой яркими сатирическими мрамками; особенно удачны в игре Липского и Бубовой монологи — мысли вслух,— обращён-

ные к зрителю: в них во всей неприглядной откровенности предстают портреты злоключённых неслетель.

Выразительность спектакля очень помогают превосходные декорации художника В. Риндина.

В спектакле «Седая девушка» рядом с именами актёров старшего поколения стоят имена молодых актёров. Это говорит о росте театральной молодёжи, о её больших творческих возможностях.

Галина Пашкова хорошо известна москвичам как соавторница знаменитых, сложных образов — Любя Шевцова в «Молодой гвардии», Алочки Парубовича в «Юриде Изенкове», Шурки в «Горе Бурлачине...» Роль Си-эр — новая серьёзная удача молодой актрисы. Простотой, немногом названья, светлая и чистая в своей любви к Да-чуню — такой очаровательной, но-летски непосредственной предстаёт Г. Пашкова в первой половине спектакля. С глубоким драматическим сыграным Пашковой сцены в доме помещика Хуана: она сумела передать страстный, гневный протест Си-эр против извергов-хозяев.

Очень скупы во внешних проявлениях своего героя В. Дугин, играющий роль Да-чуня. Но его жесты, движения, взгляды, интонации выразительны. Они выражают мысли и чувства простого крестьянина, пришедшего в ряды Народно-освободительной армии. Однако и финале В. Дугину не хватает силы и уверенности воина-героя, не хватает красок для широкого поэтического обобщения образа.

«Настанет последний день у семьи Хуанов» — эти слова определили для молодого артиста М. Грекова смысл образа дяди Чжао. Вера в радостный день освобождения, в победу народа — вот то главное, что подчёркивает М. Греков, сдержанно и мудрому исполняя роль Чжао.

Температурно играет молодого крестьянина Ху-шуня артист Е. Фёдоров. Ху-шунь в спектакле участвует в двух небольших эпизодах, но зритель запоминает этого живого, энергичного парня, в котором проснулся сознание своего достоинства, своей силы.

Спектакль «Седая девушка» поставлен народным артистом СССР С. Герасимовым вместе с молодыми режиссёрами, воспитанниками Института кинематографии Т. Лионовой и С. Самсоновым. Радостно, что наравне с большим мастером выступают его ученики.

Н. ИГНАТЬЕВА

Сцена из спектакля «Седая девушка». Ван Да-чунь вместе с Народной армией возвращается в родную деревню.

Фото А. Батанова

Всемирный Совет мира призвал все народы принять участие в celebrations в 1952 году памяти выдающегося учёного Востока, уроженца Бухары Ибн-Сины (Авиценна), который жил около тысячи лет тому назад. Ибн-Сина — один из наиболее выдающихся учёных нашей Родины.

В конце X — начале XI века, когда жил Ибн-Сина, в Средней Азии происходили народные восстания, бесперывные междоусобицы и династические войны.

Вместе с тем в то время народы Средней Азии создали средневековую культуру, которая достигла высокого развития. Быстро общественно-экономическому развитию благоприятствовало существование независимого государства Саманидов, которое образовалось во второй половине IX века нашей эры. Основным населением этого государства были предки таджиков, узбеков и других народов, населяющих ныне советские республики Средней Азии.

Отец Ибн-Сины был родом из древнего таджикского города Балха. Из Балха он переехал в Бухару, столицу Саманидов, получил назначение на земскую службу и, поселившись в селении Афшана, неподалеку от Бухары, женился там на девушке с таджикским именем Ситора. В этом селении и родился будущий великий учёный Ибн-Сина.

Когда мальчик вырос, его отец вместе со всей семьей переехал в Бухару. Там он отдал своего сына в начальную мусульманскую школу «мактаб», где тот впервые обнаружил поразительные способности.

В начальную школу Ибн-Сина учился до десятилетнего возраста. Дальнейшее образование он получил у отдельных учителей, которые обучали его главным образом светским наукам. У одного из почитаемых начальных знания по математике и олимпиаде с индийской системой счёта, у другого изучал фикх (мусульманское законодательство, основанное на религиозных положениях).

Затем отец Ибн-Сины пригласил приехавшего в то время в Бухару странствующего учёного к себе в дом, чтобы тот изложил перед ним основы логики, философии, геометрии и другими науками. Однако вскоре ученик превзошёл своего учителя. Мальчик продолжал изучать логику, физику, астрономию и другие науки, но уже совершенно самостоятельно, затем он приступил к изучению медицины. Он познал основы — сочинениями великих врачей древности — Гипократа и Галена — и с медицинскими трудами, написанными восточными учёными. Овладев знаниями, Ибн-Сина начал применять их на практике, лечить людей. Благодаря поразительным успехам молодого врача заговорил весь город.

В возрасте 16—17 лет Ибн-Сина уже вполне сформировался как учёный и обладал глубокими познаниями по многим наукам. Он прочитал труды древнегреческих философов по переводу их произведений на арабский язык.

Вскоре после падения государства Саманидов и захвата Бухары (в 999 году) иноземными захватчиками учёный вынужден был покинуть свой родной город. Он отправился в город Ургенч, столицу Хорезма, правитель которого собрал вокруг себя много видных учёных того времени.

Но в Хорезме Ибн-Сине не пришлось побыть долго: уже угрожал опасность попасть в руки жестокого деспота Махмуда, султана Газвинского, который всё ближе подбирался к Хорезму, собираясь захватить эту богатую страну.

В жизни учёного после отъезда его из Хорезма прошла в основном на чужбине. Он вынужден был переходить из одного феодального княжества в другое; жизнь его не раз подвергалась серьёзной опасности. Рукою многих его оппонентов были устроены во времена феодальных войн и усобиц. Часто он бывал вынужден скрываться под чужим именем, ему пришлось испытать и тяжёлую судьбу узника.

Свои научные произведения Ибн-Сина начал писать, когда ему исполнилось 21 год. В дальнейшем, как бы ни было тяжело, он продолжал в годы скитаний на чужбине, но не прекращал своего зинтат науки. Он написал множество трудов. Считают, что их было около ста.

Он писал больше, энциклопедического характера произведения по философии, есте-

Ибн-Сина (Авиценна).

Н. ОСМАНОВ, В. РОМОДИН

ВЕЛИКИЙ ТАДЖИКСКИЙ УЧЁНЫЙ

ственным наукам и медицине. Некоторые из них насчитывают более полутора тысяч страниц в рукописях. Из сохранившихся трудов Ибн-Сины наибольшей славой пользуются громадный труд медицинских знаний того времени «Канон», а также философское и естественнонаучное сочинение «Китаб-аш-Шифа» («Книга исцеления»). Большинство своих трудов Ибн-Сина написал на арабском языке, который в средние века на Востоке был языком науки, подобно латыни в средневековой Европе. Ибн-Сина был таджикским учёным. Он высоко ценил и горячо любил свой родной язык.

На своём родном языке он написал несколько научных работ, основой из которых является «Доинш-нома» («Книга знания»). В этой книге Ибн-Сина ясным и простым стилем излагает логику, физику, астрономию, теорию музыки и метафизику. Значение этого труда в том, что автор его много сделал для выработки таджикской научной терминологии. В развитии таджикского языка Ибн-Сина также занимает видное место. Кроме научных работ на родном языке, он оставил замечательные стихи и является одним из создателей жанра философских четверостиший в таджикской поэзии.

«Канон» был одним из основных руководств, по которым проводилось медицинское обучение в Западной Европе с XIII до XVII века. Этот труд много раз переводился на латинский язык, а после изобретения книгопечатания выдержал очень большое число изданий в различных странах Европы.

Ибн-Сина сделал много для развития знаний по анатомии человека. В частности, он первый дал верное описание мыши глаза. Считают, что принадлежатшие ему объяснения

менингеит, аппендицит, язва желудка, плеврит дают основание полагать, что, несмотря на религиозные запреты, Ибн-Сина часто проводил вскрытия.

В своих философских работах учёный опирался на достижения крупнейших мыслителей древности в основном на трудах Аристотеля. Он был одним из наиболее выдающихся последователей Аристотеля в средние века и творчески развивал его философию.

При решении многих философских вопросов Ибн-Сина стремился опереться не только на знания, почерпнутые им из произведений Аристотеля, предшественников, но также и на данные наблюдения и опыта, на свою богатую практику в медицине и в естественных науках. Он получил всемирную известность как величайший медик и один из крупнейших естествоиспытателей средних веков.

Как и Аристотель, Ибн-Сина не смог стать материалистом. Он не мог освободиться от оков религии, от предрассудков средневековья. Но он стремился к материализму, во многих вопросах близко к нему подошёл и принимал некоторые важные материалистические положения.

Для учёного не было никаких сомнений в действительном существовании внешнего мира. Ибн-Сина признавал вечность мира, что противостоит религиозному взгляду, будто мир сотворён богом, и учением о том, что наступит конец света. Именно за это положение за Ибн-Сину нападли мусульманские богословы. Ибн-Сина не отказывался от веры в бога, признавая его причиной всего существования, но он отводил ему роль лишь первого толчка, после которого все конкретные явления в мире реальных вещей развиваются по естественным законам. Таким образом, богу в понимании Ибн-Сины придавалось значение, несколько не устранившее богословов.

В условиях средневековой работы Ибн-Сина в области естественных наук, не отделившихся тогда от медицины, имели очень большое значение, и влияние его трудов, известных по латинским переводам в Европе, на развитие знаний о природе было велико и плодотворно.

Ибн-Сина отрицал астрологию, не признавая её за науку, выступал против таких предрассудков средневековья, как вера в магию, в «чудодейственную» силу талисманов и т. д. Ему принадлежит видное место в истории химии; он сам проводил химические опыты, но критиковал предрассудки алхимиков, отрицательно относясь к поискам «философского камня», «эликсира жизни» и т. п.

Объясняя явления природы, учёный нередко высказывал гениальные догадки. Например, он правильно заметил, что через загрязнённую воду передаются некоторые болезни. Не остановившись на этом выводе, он предположил, что в такой воде находятся незримые человеку мельчайшие существа — вообудители болезней. Так, задолго до изобретения микроскопа он высказал гипотезу о существовании микроорганизмов.

Он на много столетий опередил своё время, высказывая мысль о происхождении отпечатков морских животных и рыб в геологических образованиях, он говорил, что когда-то в тех местах, где находят эти отпечатки, было море.

Признавая существование души, Ибн-Сина выступал как идеалист, но он верно отмечал взаимодействие физического и психического. По существу, под идеалистическим понятием души он часто подразумевал то, что мы теперь называем психической деятельностью человека. Он считал, что психическая деятельность человека связана с мозгом. Он связывал ощущение с передней частью мозга, отвлечённое мышление — со средней частью, а память — с задней частью мозга.

Ибн-Сина умер в июне 1037 года в возрасте 57 или 58 лет. В городе Хамадане (Иран) сохранился его могила с построенным над ней мавзолеем.

Советский народ и народы других стран хранят память о великом учёном. Его именем названы таджикский институт в Сталинабаде и Государственная публичная библиотека в Бухаре. Особой благодарности заслуживают таджики, узбеки и другие народы Средней Азии хранят память о великом учёном. Они просили её через века.

СТРЕМЛЕНИЕ

К

ЦЕЛИ

фото Н. Хрешинова

Мяч был высоко, но девушка подняла ракетку, подпрыгнула и дотронулась до него. От упругой ракетки мяч отскочил и полетел в обратную сторону. Через секунду он вернулся, но, чтобы его поймать, девушке пришлось стремительно броситься в сторону. А через мгновение, быстро оценив положение, она решительно выбежала к сетке и послала обратно белый шарик. Соперница перешла в защиту.

— Хорошо! — воскликнула, отбивая мяч, заслуженный мастер спорта Надежда Белоненко. — Замечательно! Смелей, Наташа! Нападай!

...Три года назад впервые пришла на теннисный корт девятиклассница Наташа Шальникова. Быстрота и ловкость спортсменок поразили её.

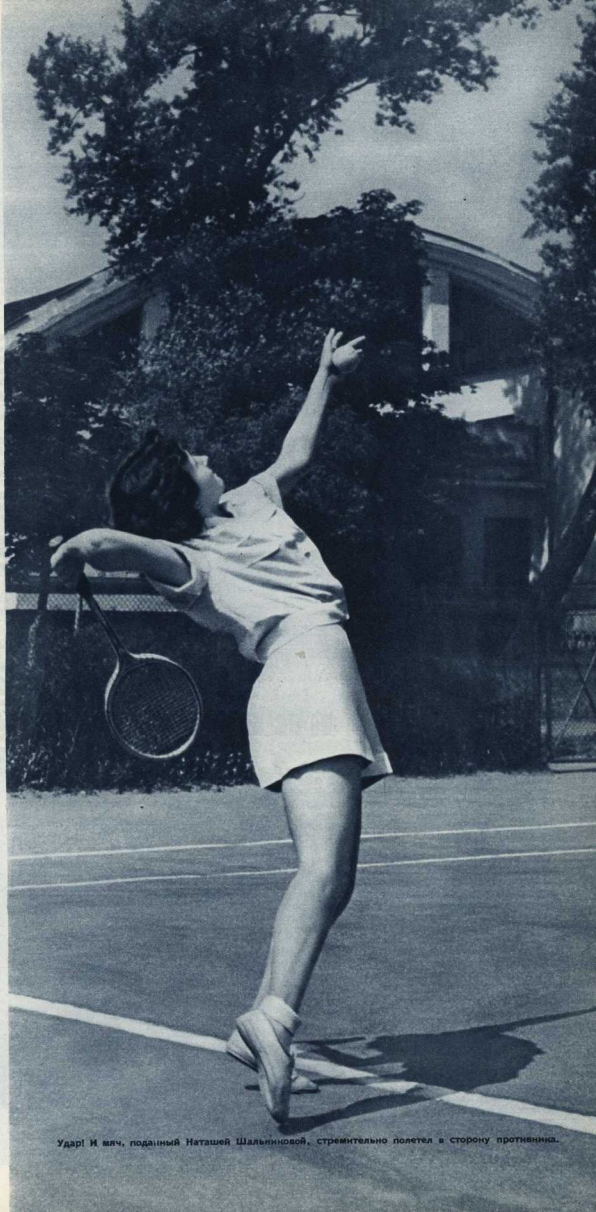
Шальникову приняли в секцию.

Вначале не хватало выносливости и быстроты. Наташа не могла понять, как можно уследить за крошечным, стремительно летящим мячиком. Но она терпеливо разучивала удары, отрабатывала меткость и точность, умение быстро, в какую-то долю секунды разгадать замысел противника.

В МГУ Наташа пришла уже разрядницей.

В университете было много желающих заниматься теннисом, и она стала тренировать новичков, передавать им всё, что сама знала.

Недавно в розыгрыше первенства спортивного общества «Наука» по второй группе Наташа заняла первое место. Но соревнования показали, что ещё многие движения предстояло шифовать, разучивать, и она вместе с тренером снова приступила к тренировкам.

Удар! И мяч, поданный Наташей Шальниковой, стремительно полетел в сторону противника.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

...Будь не только знаток, но и критик, и читатель в том языке, на котором пишешь.

М. В. Ломоносов

Критика, распространяя истинные понятия вкуса, образует в это время и самое моральное чувство; ...с усовершенствованием одного соединяется и усовершенствование другого.

В. А. Жуковский

...Критика была и будет краеугольным камнем литературы.

А. А. Бестужев (Маршальский)

Критика — наука отыскать красоты и недостатки произведений искусства и литературы. ...А ее основа на совершенном знании права, когда производится художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Где нет любви к искусству, там нет и критики.

Состоение критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще.

А. С. Пушкин

...Критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высшего таланта имеет равное достоинство во всяком оригинальном творчестве; в ней виден разбираемый писатель, а не виден еще более сам разбирающий. Критика, начертанная талантом, переживает эфемерность журнального существования. Для истории литературы она нецензурна.

Н. В. Гоголь

...Теперь искусство становится мышлением в образе, а критика — искусством.

Ошибаются те люди, которые почитают ремеслом критика легким и более или менее всякому доступным.

ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

Спелая пора

Еще не остается поздний жар лета, и уже уже томят пыльные знои. Последний месяц лета — август — самый ровный и спокойный в году. Пылина воздушная летняя, и ярира красна последних месяцев. Багряно-краснобагряно — в один август. Крики неведомых поющих цветов как бы вытеснены в себя краснотой и розовыми лобанами зрелого урюка южных холмов. В сочных, наливных, розовых ягодах мистера-садовода вечно видят венец трудов.

Тиха сузона, солнечные дни. Хрустально чист, прозрачен и помыт лесной воздух, настоен он спелыми запашками садов, явков, огородов, зротов сена и хлебных трав.

Душистые августовскими явковыми прохватами садовые усадьбы — медом, коюгогрой пель — польно. Ближе, как в бингоке, липовые дали, и возмечтанные необыкновенно в августе глубокая синьная, безмерно чистая лазурь мочужного неба. Ни одна багряница в поле не мешает цвета, как бы под стеном голубого холма.

Красный зиват долго пламенеет, и август парит сиротливо тышина. Что случится? Неприятно онемело зреть небу вечеру. Кончатся, давшие полдень багряно-розовые, улетит багрянецко августовский свирельный черненький в заре вечерю. Телые птицы — стражи — онезуют до ослепит примет осени, не дождутся ли пожелтения деревьев, пропадаю в первую декаду августа. Синь, чистая, багряная, сверлишь, дрозды, воробьи, грачи летят знои, и август прекращается. А в алаяя пятница живень, птицы облетают в стаи, облетывают генеральной репетиции. А у лесных голубей — кинтугои — и у белых вторга кажда яци.

На багряных полях Арктики спускают и разлетаются и кут «птицы базаря».

Косири гусей не туго тропаются к югу. Сохотные багряно-красного цвета на всю тайгу, рога носятся в августе. Рен лесной слышится в лесу от полярного Севера до Кариат. По календарю старина и масса наших садов.

Фото П. Шведова

Откинув свой белый венок. Первые желтые листья золотились, берды — сини — френу логической — осени. Потенциала отомливания летним зноию листья, она уже без доса, не блещет, основная пора прошла в громовой день, 2 августа.

Неожиданно удивившая тишина отлетела птицами леса. Не дождет лист, но начнется травня, редко бабочкой промелькнет молоточный листок, упадет и накроет грибок.

...талант критика режет, путь его складок и опуск. И в самом деле, с одной стороны, сколько условно складывается в этом таланте: и глубокое чувство, и пламенная любовь к искусству, и строгая выжестороннее изучение и объективность ума, которая есть источник беспристрастия, способность не поддаваться увлечению; с другой стороны, какова вымостка принимаемой им на себя обязанности!

В. Г. Белинский

Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-нибудь литературного произведения. Ее значение — служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе. Само собой разумеется, что эта цель может быть достигнута сколько-нибудь удовлетворительно образом только при всевозможной заботе о ясности, определенности и прямоте.

И. Г. Чернышевский

Измерение роста писателей — дело читателя. Обяснение социального значения произведения литературы — дело критики.

Учить начинающих литераторов писать просто, ясно, грамотно — входить в число обязанностей критики; а даже думать, что это ее главная обязанность.

А. М. Горький

Литература невозможна без критики. Шестые литературы всегда сопровождается критической мыслью. Писатель, отбрасывая свою книгу миллионным читателем, с трепетом ждет славы или без славы, — это великий долг его перед народом, а не перед искусством. Критик и ведет его к славе или бросает в бездалье.

Наша неотложная задача — пожать смело, широко популярную критическую мысль.

А. Н. Толстой

- Евг. Долматовский — Спана Стальгу Стюки
Ольга Кожухова — Оршное явков.
Николай Сидоров — В поабе Стюки
Владимир Смолин — Встречи с друзьями
А. Нарфенов — Реконструкция в партию.
Владимир Соколов — По раздольной земле, Стюки.
Евгений Шatroв — Звон Расна.
Аленев Фатьянов — Малое Петрино, Стюки.
На берегу Твдири. Фотоирик. Паик Тен Сик — Письмо партизанцев. Мальчик Стюки.
Ли Цианов — Матери, Стюки.
Иван Яскуо — Любимому человеку, Стюки.
В. Крайзников — Если ты любишь труп...
Лариса Федорова — Вперед! впереди.
И. Игнатова — Судьба на трад.
Стiven Лико — О выборах, о кандидатках, о демократии и прочем. Отрывок из романа.
И. Османов, В. Ромодина — Великий таджикский учёный.
Л. Леонович — Его дедна.
И. Костенко — Коминья.

На первой странице обложки: Художники. Фото А. Омеляченко.

На четвертой странице обложки: На путях. Автор: художник А. Паукова.

Формат номера В. Урния.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-34-34. А 03200. Подписано к печати 22/VI 1952 г. Заказ № 1791. Тираж 100 000. Изд. № 582. Формат бумаги 70 X 108/16, 1,37 бум. лн. — 4,80 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ДАВАЙ СЕГОДНЯ ВСТРЕТИМСЯ...

Слова Сергея СМЕРНОВА

На улицы, на здания
Легла ночная мгла.
Москва без оподания
Огни свои заигла.
Дыханье мая месяца
Летит во все края.
Давай сегодня встретимся,
Хорошая моя!

У памятника Пушкина
Уме цветы цветут,
И вместо ветра душего
Всегда прохлада тут.

Музыка Бориса МОКРОУСОВА

Фонтан красиво светится,
Звенит его струя.
Давай сегодня встретимся,
Хорошая моя!

Для нас оделись листьями
Все парки и сады.
Играют звезды чистые
На зеркале воды.
Для нас — улыбка месяца.
И погорело н.
Давай сегодня встретимся,
Хорошая моя!

Цена номера 2 руб.

